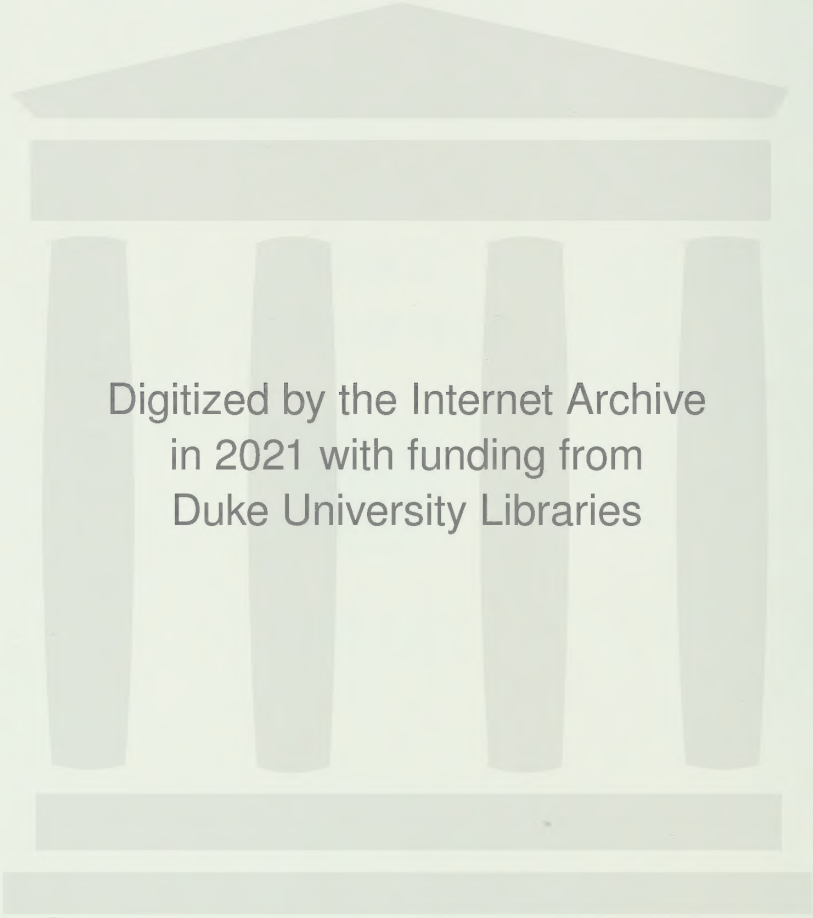
DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY


Digitized by the Internet Archive
in 2021 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/snebesnazemliu01unse

ЗЕМЛЯ—НАРОДУ.

№ 1. *Серія для интеллигенціи.*

ЪЪ НЕБЕСЪ НА ЗЕМЛЮ.

Сборникъ статей
Н. П. ОГАНОВСКАГО и Н. Н. СУХАНОВА.

МОСКВА.—1917.

„Земля—народу".

Въ эту серію включаются слѣдующія популярныя книги *Н. П. Огановскаго.*

* 1. Земельный вопросъ въ Учредительномъ Собраніи.
* 2. Земельный вопросъ и земельная политика.
* 3. Война и земельная кооперація.
* 4. Откуда наша крестьянская земельная нужда (Исторія земельнаго вопроса съ конца XVIII в.).
5. Русская деревня во время войны.
6. Мірское хозяйство на всенародной землѣ.
7. Земельный комитетъ и всероссійская земельная перепись.
8. Хлѣбъ—всенародное достояніе.

* Отмѣчены брошюры, поступившія въ продажу.

Цѣна выпуска 20—30 коп.

Земствамъ, кооперативамъ, общественнымъ и партійнымъ организаціямъ при массовыхъ заказахъ для раздачи—скидка по соглашенію.

Книгоиздательство „ЗАДРУГА".

МОСКВА, Крестовоздвиженскій, 9.

ПЕТРОГРАДЪ, Гончарная, 24.

ЗЕМЛЯ — НАРОДУ.

№ 1. *Серія для интеллигенціи.*

СЪ НЕБЕСЪ — НА ЗЕМЛЮ.

(Къ пересмотру проблемъ аграрной теоріи и сельскохозяйственной политики).

МОСКВА.
Т-ва „ЗАДРУГА“ Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д., 9.
1917.

138286

Slav uul
37039

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Этой книжкой, въ которой собраны частью напечатанныя, въ періодическихъ изданіяхъ, частью не напечатанныя мои статьи по аграрной теоріи и политикѣ, я начинаю серію брошюръ для интеллигенціи. Написаны всѣ эти статьи въ концѣ 1913 и началѣ 1914 г.—наканунѣ войны. Читатели увидятъ изъ нихъ, а такъ же изъ связанныхъ съ ними статей Ник. Чик. Суханова (отчасти перепечанныхъ изъ его книжкѣ «Наши направленія») въ какомъ направленіи авторъ стремился къ перестройкѣ проблемъ нашей аграрной теоріи, замороженной длительной общественной редакціей послѣ неудачной революціи 1905 года.

Передъ войной начался новый широкій подъемъ нашей общественной мысли; вмѣстѣ съ нимъ всплылъ наверхъ и аграрный вопросъ, но поставленъ онъ былъ уже не нами—чистыми «идеологами», а народившейся за этотъ періодъ группой ученыхъ агрономовъ-экономистовъ въ совершенно иной плоскости — въ плоскости *не земельной, а культурной* проблемы. И теперь, когда передъ нами, послѣ войны и революціи, встаютъ одновременно двѣ задачи: задача форсированнаго подъема производи-

тельныхъ силъ въ сельскомъ хозяйствѣ и задача удовлетворенія слишкомъ назрѣвшей нужды въ землѣ десятковъ милліоновъ трудовыхъ крестьянъ, разрѣшеніе этихъ задачъ требуетъ *гармоническаго* сочетанія демократическихъ и соціалистическихъ устремленій съ постулатами, выставленными сторонниками чистой «культуры». Величайшая въ мірѣ аграрная реформа въ Россіи только тогда будетъ прочной, когда она построится на двуединомъ принципѣ: освобожденному *трудовому крестьянству—земля и культура.*

Въ результатѣ моего годичнаго общенія съ крестьянствомъ посредствомъ журнала «Новый Колосъ»; я пришелъ къ коренному убѣжденію, что самъ народъ глубоко осозналъ потребность въ истиной культурѣ, какъ общей, такъ и сельско-хозяйственной, что жажда знанія въ немъ теперь такъ же сильна, какъ и жажда земли и что ту и другую жажду необходимо удовлетворить полностью теперь же.

Народъ сознаетъ, что въ темнотѣ онъ легко растеряетъ добытыя кровавой многолѣтней борьбой и землю и волю. Остается сознать это нашей интеллигенціи. Выпускаемая въ свѣтъ книжка, мнѣ кажется, и должна послужить для выясненія этой истины передъ тѣми интеллигентами, которые мало еще освоились съ современной постановкой аграрной проблемы

Н. Огаковскій.

$19\frac{15}{IV}17$ г.

Съ небесъ на землю*).

(Программа текущей аграрной политики).

Вотъ уже цѣлый годъ, какъ въ толстыхъ журналахъ и даже въ газетахъ по косточкамъ перебирается нашумѣвшая статья Ник. Ник. Суханова «По вопросамъ нашихъ разногласій». Успѣхъ статьи—выдающійся, хотя сплошь отрицательный: ни одного слова въ *защиту* выставленныхъ авторомъ положеній, насколько я знаю, въ печати не появлялось.

Въ этомъ любопытномъ явленіи мое вниманіе привлекла не столько сущность теоретическихъ построеній автора, сколько тотъ страстный интересъ, который обнаружила къ нимъ наша интеллигенція, главнымъ образомъ, изъ народническаго лагеря. Этотъ интересъ внушилъ мнѣ серьезныя опасенія, какъ бы наша общественная мысль не умчалась въ заоблачную вѣчь произвольныхъ, абстрагированныхъ отъ реальности, обобщеній, тогда какъ «земная» дѣйствительная жизнь не ждетъ, и кто теперь не вмѣшается въ самую гущу этой жизни—рискуетъ очутиться за бортомъ. За послѣдніе годы въ стомилліонной массѣ русскаго крестьянства происходитъ крутой переломъ не только благодаря «великой реформѣ» правительства, но и независимо отъ нея, вслѣдствіе неуклоннаго поступательнаго хода аграрной эволюціи. Старые устои рушатся, воздвигается какое то новое зданіе народнаго хозяйства: мы очень мало знакомы съ тѣмъ

*) „авѣты“, 1913 г., № 12.

какъ это зданіе строится, изъ какого матеріала, какого оно будетъ вида, какъ въ немъ устроится и начнетъ жить по новому крестьянская масса—мы не очень даже торопимся ознакомиться съ этой перестройкой, но то что принять въ ней такое участіе, какое только возможно для насъ въ настоящій моментъ. Все это скучныя «малыя дѣла». А вотъ утопическія измышленія Ник. Ник. Суханова это—«великое дѣло», которое поглощаетъ наше вниманіе цѣликомъ.

Я не отрицаю важности и даже необходимости теоретическихъ построеній и прогноза будущаго, въ особенности для соціалистическихъ направленій. Соціализмъ—ученіе о будущемъ человѣчествѣ, и безъ такого прогноза онъ обойтись не можетъ, но прогнозъ долженъ быть выдержанъ въ строго очерченныхъ рамкахъ тѣхъ закономѣрностей, которыя мы можемъ предвидѣть при современномъ уровнѣ нашихъ знаній. Какъ только онъ перескакиваетъ черезъ эти рамки, онъ превращается въ сплошную фантастику, что и случилось, по моему мнѣнію, съ прогнозомъ Ник. Ник. Суханова, почему я считаю нужнымъ посвятить ему нѣсколько строкъ.

Авторъ предначерталъ такой путь аграрной эволюціи: трудовое крестьянство—классъ наиболѣе жизнеспособный изъ всѣхъ существующихъ въ сельскомъ хозяйствѣ—получитъ рано или поздно, но во всякомъ случаѣ, въ предѣлахъ буржуазнаго строя, всю землю и остальныя средства производства. Сдѣлавшись монопольнымъ обладателемъ сельско-хозяйственнаго капитала, получивъ въ свои руки полный продуктъ своего труда, объединившись въ рядъ «производственныхъ кооперацій», крестьянство—«классъ несоціалистическій по своей природѣ»—будетъ заинтересованъ въ сохраненіи буржуазнаго строя и вмѣстѣ съ буржуазіей можетъ повести борьбу противъ пролетаріата и соціализма.

Не будемъ вдаваться въ анализъ этого построенія по существу: допустимъ, что общая тенденція аграрной эволюціи начертана авторомъ правильно. Существенный моментомъ этой эволюціи авторъ считаетъ объединеніе индивидуальныхъ крестьянскихъ хозяйствъ въ рядъ «производственныхъ» кооперацій. Но, спрашивается, сколько *времени* понадобится для такого объединенія, если оно совершится естественнымъ путемъ «органическаго» развитія? Кооперативація крестьянскаго хозяйства идетъ сверху, начинаясь съ точекъ соприкосновенія этого хозяйства съ внѣшнимъ міромъ т. е. съ кредита и обмѣна. Въ Германіи кредитныя товарищества существуютъ болѣе полувѣка, но за этотъ срокъ они не успѣли еще охватить всего кредита, необходимаго земледѣльцамъ. Въ Россіи въ 1909 г. кредитными кооперативами и въ городахъ, и въ селахъ было выдано 205 милліоновъ ссуды, а еще въ концѣ XIX вѣка деревенскій ростовщическій кредитъ измѣрялся, приблизительно, 700 милл.—1 милліардомъ. Ясно, что обобществленіе одного мелкаго кредита потребуетъ у насъ десятилѣтій. Обобществленіе сбыта только еще начинается, немного далѣе его шагнула кооперація въ молочномъ производствѣ, а что касается до «производственныхъ» кооперацій, охватывающихъ обработку земли, то онѣ только сейчасъ возникаютъ въ микроскопическихъ размѣрахъ въ Западной Европѣ. Поэтому не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что, если поставленный Сухановымъ прогнозъ и осуществится, то это будетъ никакъ не раньше, чѣмъ черезъ сотню лѣтъ,—скорѣе гораздо позже.

А въ сотню лѣтъ много воды утечетъ. Оставаясь въ предѣлахъ доступныхъ предвидѣнію экономическихъ факторовъ, я долженъ прежде всего указать И. И. Суханову, что онъ упустилъ изъ вида тенденцію къ *индустріализаціи* населенія—тотъ самый факторъ, который

онъ усиленно подчеркиваетъ въ другихъ своихъ работахъ. Черезъ сто лѣтъ у насъ большая часть населенія очутится въ городахъ, пролетаріи и другіе некапиталистическіе классы въ индустріи окажутся въ большинствѣ, и «реальное соотношеніе силъ» будетъ на ихъ сторонѣ. Если крестьяне начнутъ тягаться съ пролетаріатомъ,— больше шансовъ на побѣду будетъ на сторонѣ послѣдняго.

Далѣе, предполагая, что крестьянство способно дойти въ обобществленіи своего производства до послѣдней ступени, авторъ забываетъ, что и пролетаріатъ не останется въ этомъ отношеніи неподвижнымъ. Потребительныя кооперацій у пролетаріевъ развиваются не въ меньшемъ масштабѣ, чѣмъ у крестьянъ—кредитныя и по сбыту. Во всякомъ случаѣ, столѣтній срокъ достаточно великъ для того, чтобы пролетаріатъ, накопившій при помощи потребительныхъ кооперацій многомилліардные денежные запасы, сумѣлъ отвоевать при ихъ помощи извѣстную долю производства у буржуазнаго капитала.

Затѣмъ, если авторъ считаетъ возможнымъ вносить въ свои построенія такой политическій факторъ, какъ «безвозмездное надѣленіе крестьянъ землей»,—почему не предположить, что не теперь, а черезъ 50—100 лѣтъ не будетъ проведено «безвозмездное надѣленіе» рабочихъ фабриками? Можетъ быть, къ тому времени такой «максимализмъ» станетъ умѣстнымъ? Вообще, у автора нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что черезъ 100 лѣтъ средства производства въ индустріи останутся въ рукахъ капиталистовъ. Поэтому выводъ, что для пролетаріата единственной формой будущаго строя является «соціализмъ и только онъ», а для крестьянства— «соціализмъ, а также иныя формы хозяйства», неправиленъ, ибо и для пролетаріата, кромѣ соціализма, возможны тѣ же самыя «иныя» формы хозяйства (кооперація), что и для крестьянъ.

Но допустимъ все же, что авторъ правъ и тогда, когда онъ увѣряетъ насъ, что «производственная кооперація» охватитъ все сельское хозяйство еще въ моментъ сохраненія въ полной силѣ буржуазно-капиталистическаго строя. Это будутъ, должно быть, весьма демократическ и настроенные капиталисты, которые, обладая всей полнотой политической власти, проведутъ «безвозмездное отдѣленіе» крестьянъ землей. А крестьяне, въ благодарность за это, отвѣтятъ подъемомъ цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты. Такой подъемъ, естественно, будетъ крайнѣ непріятенъ капиталистамъ, потому что онъ заставитъ этихъ послѣднихъ увеличить заработную плату рабочимъ. И они постараются обуздать крестьянъ, которые усиленно нуждаются въ *продуктахъ индустріи*. Интенсификація сельскаго хозяйства ведетъ вѣдь не только къ расширенію сбыта своихъ продуктовъ, но и заставляетъ ихъ пріобрѣтать на рынкѣ все больше и больше средствъ производства, вырабатываемыхъ индустріей: машинъ, исскуственнаго удобренія и т. д. Однимъ словомъ, на «прижимку» со стороны крестьянъ и рабочіе, и фабриканты смогутъ отвѣтить не менѣе существенными прижимками.

Я сознаю, конечно, что это «гаданіе на пальцахъ», которое я имѣлъ честь предложить вниманію читателей, также же мало обосновано, какъ и гаданіе И. И. Суханова. Авторъ говоритъ въ заключеніи своего прогноза «изъ всего предыдущаго вовсе не слѣдуетъ, это эволюція крестьянства и его хозяйства пойдутъ именно по этому пути. Рѣчь идетъ пока только *о возможности* такого пути для трудового крестьянства». Но онъ не имѣетъ права отрицать, что и для пролетаріата возможны въ столѣтній срокъ такіе пути эволюціи, которые я только что нарисовалъ. Возможно такъ, возможно иначе: въ реальной современности легко отыскать зародыши

многихъ возможностей; выбравши, по собственному вкусу, любую изъ нихъ, при наличности богатой фантазіи, свободно можно получить увѣренность «въ невидимомъ, какъ бы въ видимомъ, желаемомъ и ожидаемомъ, какъ бы въ настоящемъ». Но такой прогнозъ будетъ, конечно, *утопическимъ*, а не *научнымъ*. Научный прогнозъ требуетъ непремѣннаго соблюденія трехъ основныхъ правилъ:

1) Строгаго сохраненія исторической перспективы. Соціально-экономическая исторія каждой націи и отдѣльныхъ классовъ внутри ея проходитъ свои фазисы, свои этапы вѣками и тысячелѣтіями. Они въ десятки и сотни разъ длиннѣе человѣческой жизни. Люди, думающіе о будущемъ, зачастую невольно берутъ масштабъ человѣческой, а не народной жизни и въ своихъ построеніяхъ постоянно упускаютъ изъ вида огромность хронологическаго разстоянія, отдѣляющихъ тотъ фазисъ эволюціи, который они предвидятъ, отъ настоящаго момента. Пока данная нація или классъ дойдутъ до предполагаемаго фазиса, протекутъ вѣка, въ теченіе которыхъ все вокругъ этихъ классовъ совершенно измѣнится. Отсюда вытекаетъ второе требованіе:

2)—тщательнаго анализа условій развитія не только изучаемаго класса, но и другихъ—и вообще всей окружающей среды. Чѣмъ дальше развивается экономическая жизнь, тѣмъ сильнѣе и тѣснѣе становится взаимодѣйствіе различныхъ націй и отдѣльныхъ классовъ и видовъ производства внутри данной націи; разъединить, расцѣпить это сцѣпленіе, взявши для своихъ построеній какую-то самодовлѣющую эволюцію одного класса—значитъ заранѣе обречь эти построенія на безнадежную утопичность.

3) Наконецъ, въ прогнозѣ необходимо ограничиться выявленіемъ лишь самыхъ общихъ, руководящихъ тенденцій, а не рисовать конкретныя картины будущаго, что умѣстно въ беллетристическомъ произведеніи, а никакъ

не въ научномъ трудѣ. Этимъ вѣдь научный соціализмъ и отличается отъ утопическаго.

Теперь читателямъ ясно, для чего я самъ, слѣдуя рабски пріемамъ П. Н. Суханова, попробовалъ набросать эскизъ будущихъ «возможностей»: для того, чтобы наглядно иллюстрировать методологическія погрѣшности автора противъ трехъ перечисленныхъ пунктовъ. Авторъ не нашелъ нужнымъ разсчитать, сколько времени потребуется для полнаго развитія «производственныхъ» кооперацій въ крестьянскомъ хозяйствѣ, не принялъ въ разсчетъ эволюціи другихъ классовъ и всѣхъ соціально-политическихъ отношеній націи за это время и, не ограничившись опредѣленіемъ общихъ тенденцій, нарисовалъ конкретную картину классовой борьбы будущаго. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, онъ затронулъ частичку вопросовъ, являющихся спорнымъ пунктомъ для двухъ широкихъ теченій соціализма—*централистическаго* и *федералистическаго*, изъ которыхъ послѣднее близко къ анархизму. Несомнѣнно, что и теперь, и въ будущемъ между отдѣльными классами или общественными ячейками и внутри этихъ ячеекъ—между отдѣльными личностями возникаетъ много поводовъ для антагонизма. Какъ разъ вслѣдъ за статьей П. Н. Суханова, въ «Современникѣ» появилась статья Ю. Делевскаго о соціальныхъ антагонизмахъ пролетаріата, въ которой достаточно выпукло освѣщено внутреннее противорѣчіе интересовъ различныхъ слоевъ и группъ въ пролетарской средѣ. Въ широкой философской и соціологической постановкѣ, такъ сказать, внѣ времени и пространства, возможно и желательно изученіе проблемы антагонизмомъ между личностью и обществомъ, между отдѣльными элементами общества и государствомъ, но произвольно «элиминировать» частицу этой проблемы, утверждать, что черезъ 100 лѣтъ крестьяне затѣютъ борьбу съ пролетаріатомъ,

противно здравой логикѣ: черезъ 100 лѣтъ конкретное содержаніе соціальныхъ антагонизмовъ совершенно измѣнится, и предугадать его въ настоящій моментъ немыслимо [1]).

Свой коротенькій методологическій разборъ прогноза Н. Н. Суханова я произвелъ съ единственной цѣлью предостеречь читателей отъ увлеченія подобными утопіями. Если бы мы подходили къ нимъ съ указанными выше строгими требованіями, мнѣ кажется, что авторы, рискующіе на прогнозъ будущаго, требующій огромныхъ затратъ труда и фактическихъ знаній, рѣже бы отвлекали нашу интеллигенцію отъ насущныхъ задачъ, къ которымъ настойчиво зоветъ ихъ живая «настоящая» жизнь. Наша народническая интеллигенція—городская и столичная по преимуществу: она не имѣетъ той непосредственной связи съ крестьянской средой, какую ощущаетъ марксистская интеллигенція со средой рабочихъ. Вотъ почему въ рабочемъ вопросѣ всякое конкретное явленіе—возьмемъ хотя бы новый страховой законъ,—обсуждается со всѣхъ сторонъ, вызываетъ огромную литературу, интеллигенція всѣми силами старается такъ или иначе воздѣйствовать на него, а въ аграрномъ вопросѣ, въ которомъ сейчасъ происходятъ неизмѣримо болѣе важные процессы—интеллигентное народничество не только не пытается что-либо дѣлать, но и интересуется лишь *частностями* современной аграрной проб-

[1]) Въ статьѣ есть еще одно положеніе, больно задѣвающее насъ, какъ народниковъ. Это—утвержденіе автора, что по своей „природѣ" крестьяне—классъ несоціалистическій, а единственный истинно соціалистическій классъ — пролетаріатъ. По моему, это—голая метафизика: соціалистическимъ и несоціалистическимъ *трудовые* классы дѣлаетъ не ихъ метафизическая сущность, „природа вещей", а комплексъ окружающихъ экономическихъ, соціально-политическихъ и прочихъ условій. Если бы рабочіе, по ходу революціи, сдѣлались собственниками тѣхъ фабрикъ, на которыхъ они работаютъ, ихъ соціалистическая „природа" исчезла бы, если бы крестьяне перестали быть частными землевладѣльцами, они пріобрѣли бы соціалистическую „природу".

лемы (вродѣ разрушенія общины) безъ всякаго отношенія къ ея цѣлому. И въ то же время, даже весьма несовершенныя теоретическія построенія вызываютъ у народниковъ такой же страстный интересъ, какой у марксистовъ наблюдается по отношенію къ вопросамъ текущей повседневной жизни.

Я началъ съ упрека нашей интеллигенціи въ пренебреженіи «малыми дѣлами» настоящей дѣйствительности. Но въ томъ аграрномъ переворотѣ, который развертывается передъ нашими глазами, рѣшительно всѣ «малыя дѣла» приняли грандіозныя очертанія...

На пространствѣ большей части Россіи ломается традиціонная «трехполка», въ экстенсивную зерновую культуру внѣдряются травосѣяніе и плодосмѣнъ. Этотъ переломъ въ системахъ земледѣлія во много разъ усиливаетъ связь крестьянина съ рынкомъ, какъ покупателя и продавца. Вмѣстѣ съ тѣмъ, переходъ земледѣлія въ интенсивный фазисъ требуетъ перемежеванія крестьянскихъ земель—истиннаго «землеустройства» въ цѣляхъ уничтоженія мелкополосицы и длинноземелья, при которыхъ интенсивное хозяйство почти невозможно. Уничтоженіе этихъ препятствій къ интенсификаціи доступно и общинному землевладѣнію, но тогда необходима выработка иного, болѣе сложнаго, общинно-передѣльнаго механизма, чѣмъ созданный крестьянами на почвѣ экстенсивныхъ системъ полеводства. Правительство идетъ въ землеустройствѣ инымъ путемъ, разрушая общину и создавая на ея развалинахъ индивидуальныя хуторскія и отрубныя хозяйства. Однако, въ дѣйствительности, землеустройство далеко не вездѣ принимаетъ формы, наиболѣе угодныя правительству, стремящемуся распылить компактныя группы крестьянъ, разсадивши ихъ по хуторамъ. Въ большинствѣ случаевъ, землеустроители ограничиваются простой коммассаціей—сверсткой отдѣльныхъ ни-

лось въ отруба, причемъ крестьяне остаются въ старыхъ усадьбахъ, деревенскія поселенія сохраняютъ свой прежній видъ, и дальноземелье остается неустраненнымъ.

Интенсификація, разрушеніе общины и землеустройство снова выдвигаютъ на первый планъ полузабытые вопросы объ избыточномъ населеніи и крестьянскомъ малоземельи. Правительство уже столкнулось лицомъ къ лицу съ опасностью дробленія только что насажденныхъ хуторовъ и отрубовъ. Съ другой стороны, Кіевскій сельско-хозяйственный съѣздъ, ядро котораго составляли спеціалисты- агрономы, призналъ крестьянское малоземелье серьезнымъ тормазомъ сельско-хозяйственнаго прогресса и выставилъ задачу «первѣйшей государственной важности»—расширеніе крестьянскаго землевладѣнія. Малоземельные крестьяне и сами чувствуютъ невозможность дальнѣйшаго существованія на нищенскихъ надѣлахъ при наступающихъ условіяхъ: они массами ликвидируютъ землю и бѣгутъ, кто куда можетъ: въ города, въ Сибирь, въ Среднюю Азію, или скупаютъ владѣльческія земли черезъ банки. Происходитъ соціальная дифференціація, исчезаетъ межеумочный классъ полупролетаріевъ, полуземледѣльцевъ. Число переселенцевъ, рѣдко превышавшее до 1905 г. сотню тысячъ въ годъ, послѣ 1905 г. доходило до 700 тысячъ и никогда не спускалось ниже 200 тысячъ. Наплывъ сразу $2^1/_2$ милліоновъ переселенцевъ произвелъ въ Сибири экономическую революцію, обнаружилъ недостатокъ свободнаго удобнаго фонда и заставилъ правительство создать новый планъ колонизаціи, въ которомъ видную роль играетъ «землеустройство» старожиловъ и туземцевъ, съ цѣлью экспропріаціи у нихъ земельныхъ «излишковъ». Города только Европейской Россіи стали поглощать ежегодно 400—500 тысячъ избыточнаго населенія деревни, Азіатской—свыше 100 тысячъ. Черезъ крестьянскій банкъ за 7 лѣтъ съ 1906 г.

перешло къ крестьянамъ немногимъ меньше земли, чѣмъ за 23 предыдущихъ года. Наконецъ, за самое послѣднее время всплылъ наружу вопросъ о приращеніи удобнаго земельнаго фонда въ Европейской Россіи посредствомъ меліорацій.

Таковы, вкратцѣ, характерныя черты совершающагося аграрнаго переворота. Повторяю, мы должны принять въ немъ все возможное для насъ участіе, если не хотимъ остаться за флагомъ. Крестьянство является не пассивнымъ зрителемъ, а активнымъ участникомъ совершающагося переворота. Ему нужны интеллигентныя руководители, и если мы не захотимъ или не сможемъ сдѣлаться таковыми, оно найдетъ себѣ другихъ.

Но не будетъ ли противорѣчить это дѣятельное участіе принципамъ народничества? П. П. Сухановъ взялъ исходнымъ пунктомъ для своего прогноза двѣ тенденціи аграрной эволюціи, на которыхъ основана народническая программа-минимумъ, и которыя, по моему мнѣнію, должны явиться руководящимъ началомъ при составленіи невыработанной еще программы *текущей аграрной политики*. Первая изъ этихъ тенденцій сформулирована на Кіевскомъ съѣздѣ въ такой фразѣ: «Трудовое крестьянство *жизнеспособно* и развивается все болѣе и болѣе». Въ этой формулѣ съѣздъ сконцентрировалъ въ одинъ сжатый выводъ безчисленное множество фактовъ и абстрактныхъ положеній, доказывающихъ, что такъ должно происходить, согласно закономѣрности аграрной эволюціи, и такъ дѣйствительно происходитъ на пространствѣ всего міра, доступнаго статистическому наблюденію. Какъ народники, т. е. какъ демократы, мы должны содѣйствовать развитію только *трудовыхъ* классовъ, и несомнѣнная жизнеспособность крестьянства убѣждаетъ насъ въ томъ, что въ данномъ случаѣ мы пойдемъ рука объ руку съ «историческимъ ходомъ вещей».

Вторая тенденція наблюдается также въ крестьянскомъ хозяйствѣ, которое за послѣднія десятилѣтія обнаружило большія способности къ *обобществленію*. До какихъ предѣловъ и до какихъ размѣровъ можетъ дойти это обобществленіе—мы не имѣемъ права рѣшать теперь же, такъ какъ тутъ весьма многое зависитъ не только отъ экономическихъ и соціально-политическихъ условій, но и отъ уровня сельско-хозяйственной техники. Создастъ техническій прогрессъ условія, благопріятныя для развитія крупныхъ производительныхъ кооперацій въ земледѣліи—онѣ быстро разовьются, не создастъ—организація ихъ будетъ итти медленно, притомъ въ видѣ мелкихъ артелей, обнимающихъ не болѣе десятка ячеекъ-хозяйствъ. Успѣховъ техники мы предвидѣть не можемъ, а потому отъ прогноза, подобнаго только что разобранному, мы должны воздержаться. Но и внѣ предѣловъ чистаго земледѣлія, въ сельскомъ хозяйствѣ есть цѣлый рядъ сторонъ—кредитъ, обмѣнъ, техническая переработка сырья, доступныхъ весьма широкому обобществленію; и соціалисты, памятуя, что, хотя кооперація не есть соціализмъ, но она расчищаетъ дорогу соціализму, прививая къ населенію навыки общественнаго хозяйства, вполнѣ правильно поступаютъ, когда всѣми силами содѣйствуютъ кооперативному движенію въ крестьянской средѣ.

Сейчасъ интересъ народниковъ къ практической дѣятельности собственно и ограничивается коопераціями. Но кооперація такъ же, какъ и община, представляютъ собою частности, хотя и крупныя въ современномъ аграрномъ вопросѣ, причемъ если въ коопераціяхъ идетъ дѣловая работа, то для сохраненія и реорганизаціи общиннаго начала еще не придумали ничего, да и не пытались придумать. Программа текущей аграрной политики освѣщенная одной общей идеей, должна охватить *всѣ* стороны аграрнаго вопроса и открыть возможность буд-

ничной, но продуктивной работы на самыхъ разнообразныхъ позиціяхъ.

Какая же идея, какая цѣль явится руководящей для такой программы? Нормально происходящая эволюція ведетъ къ *развитію производительныхъ силъ*. Наиболѣе жизнеспособный классъ въ сельскомъ хозяйствѣ—трудовое крестьянство—долженъ быть поставленъ въ такія условія, чтобы его хозяйство не тормазило, а способствовало развитію производительныхъ силъ. Устраненіе разнородныхъ преградъ и тормазовъ съ пути хозяйственнаго прогреса крестьянской массы—вотъ основная цѣль этой программы.

Развитія производительныхъ силъ въ сельскомъ хозяйствѣ является результатомъ гармоническаго сочетанія развитія производительности *земли* и производительности человѣческаго *труда*. Производительность земли измѣряется количествомъ продуктовъ, получаемыхъ съ единицы площади, производительность труда—количествомъ продуктовъ, приходящихся на одного человѣка, занятаго въ производствѣ. Чѣмъ больше растетъ и уплотняется земледѣльческое населеніе, или чѣмъ шире размѣръ требованій, предъявляемыхъ къ земледѣльцамъ со стороны неземледѣльческаго населенія т. е., чѣмъ обширнѣе рынки сбыта,—тѣмъ болѣе продуктовъ земледѣлецъ долженъ добывать съ единицы площади, тѣмъ выше поднимается *производительность земли*. Но далеко не всегда развитіе производительности земли поспѣваетъ за плотностью населенія и запросами рынка. У насъ въ Россіи рынокъ началъ расти лишь послѣднія десятилѣтія, но за то со времени освобожденія и до 1912 г. сельское населеніе увеличилось съ 54,8 милл. до 106,4 милл., т. е. почти удвоилось, а производительность земли поднялась менѣе чѣмъ на 50% (въ 1860—70 г. г. у частныхъ владѣльцевъ урожайность всѣхъ хлѣбовъ равнялась 33 пудамъ,

у крестьянъ—29 пуд., а въ 1901—10 г. г. у тѣхъ и другихъ вмѣстѣ—46 пудамъ). Земледѣльческое населеніе росло вдвое быстрѣе, чѣмъ средства существованія, добываемыя отъ земли. Производительность земли больше всего зависитъ отъ *системы хозяйства*, точнѣе, отъ системы полеводства, распространенной въ данномъ раіонѣ, въ данной странѣ. Наиболѣе распространенная у насъ паровая зерновая система полеводства съ трехпольнымъ сѣвооборотомъ и незначительнымъ удобреніемъ, а иногда и совсѣмъ безъ удобренія, очень мало эволюціонировала на протяженіи столѣтій, до конца XIX вѣка, и плотность сельскаго населенія на много ее опередила. Какъ это ни странно на первый взглядъ, но въ Россіи плотность сельскаго населенія по отношенію къ обрабатываемой территоріи *выше*, чѣмъ во многихъ государствахъ Западной Европы, тогда какъ производительность земли (измѣряемая урожайностью) ниже въ два-три раза [1]). А такъ какъ плотностью могутъ быть измѣрены затраты человѣческаго труда на единицу обрабатываемой территоріи, то очевидно, что у насъ—въ странѣ экстенсивнаго трехполья—производительность земледѣльческаго *труда* стоитъ въ нѣсколько разъ ниже уровня Западной Европы, гдѣ царитъ интенсивный плодосмѣнъ. Этотъ непреложный фактъ заставилъ даже такого яраго защитника «факта» паденія производительности труда вмѣстѣ съ интенсификаціей, какъ П. Масловъ, измѣнить своимъ убѣжденіямъ. Въ послѣднихъ статьяхъ (см. «Основные вопросы сельскохозяйственной политики». Агрономическій журналъ № 2 онъ пишетъ: «Каждой данной плотности земледѣльческаго населенія должна соотвѣствовать извѣстная система хозяйства. Только при этомъ условіи рабочія руки сельскаго населенія могутъ быть использованы наиболѣе произво-

[1]) См. мою статью „Очерки по аграрному вопросу“ „Вѣстникъ Европы“ 1913 г. сентябрь (стр. 276).

дительно. Если плотность земледѣльческаго населенія достигла такой степени, что наличными рабочими руками возможно распахать и удобрить всю эксплуатируемую площадь земли, то наиболѣе производительной системой хозяйства является *интенсивная плодосмѣнная система* (Курсивъ мой. Н. О.), такъ какъ при ней съ данной площади земли получается наибольшее количество продуктовъ. Если при такомъ плотномъ земледѣльческомъ населеніи существуетъ экстенсивное хозяйство, напримѣръ, трехполье, то при немъ не только не используются всѣ наличныя трудовыя силы населенія, но и урожайность можетъ падать, благодаря интенсивной эксплуатаціи земли и ея истощенію» (стр. 42).

Отсюда выводъ: первоочередной задачей настоящаго историческаго момента въ сельскомъ хозяйствѣ Россіи является подъемъ производительности земли до уровня, соотвѣтственнаго плотности населенія, подъемъ, достигаемый переходомъ крестьянъ на болѣе интенсивныя системы полеводства. Съ конца XIX вѣка, по направленію съ запада на востокъ начинаютъ распространяться въ крестьянской средѣ улучшенныя пріемы обработки, усовершенствованныя орудія, внѣдреніе корнеплодовъ масличныхъ травъ и другихъ трудоемкихъ культуръ въ зерновые посѣвы на поляхъ,—словомъ, отдѣльные элементы, куски интенсивной системы хозяйства, но самой системы еще нѣтъ, ее необходимо *создать*, а для этого требуется построеніе строго продуманныхъ организаціонныхъ плановъ крестьянскаго хозяйства, приспособленныхъ къ продовольственныхъ потребностямъ семьи, условіямъ рынка и природнымъ особенностямъ даннаго района. Сами крестьяне на созданіе такихъ плановъ неспособны, ибо отцы и дѣды ихъ этой наукѣ не научили—это всецѣло дѣло агрономовъ, для осуществленія плановъ которыхъ требуемыя денежныя средства ассигнуются правите-

ствомъ, земствами и мѣстными кооперативными организаціями. Не вдаваясь въ детали этой задачи, обсужденіе которой завело бы насъ слишкомъ далеко, отмѣчу только, что правительственная политика, направляющая почти всю агрономическую помощь въ сторону индивидуальныхъ хозяйствъ хуторянъ и отрубниковъ, завела на ложный путь и нѣкоторыхъ представителей земской агрономіи, увлекающихся порой созданіемъ образцовыхъ, но обособленныхъ хозяйственныхъ единицъ, тогда какъ организаціонные планы должны имѣть въ виду тотъ типъ прогрессирующаго хозяйства, который доступенъ большинству. Съ этой стороны на послѣднемъ съѣздѣ агрономомъ пришлось выслушать не мало горькихъ упрековъ.

Кромѣ агрикультурныхъ, весьма сложныхъ и разнообразныхъ, мѣропріятій, для реорганизаціи существующихъ системъ хозяйства нуженъ цѣлый рядъ *экономическихъ*, въ числѣ которыхъ на первомъ мѣстѣ стоитъ кооперативная организація кредита, обмѣна и другихъ сторонъ крестьянскаго хозяйства, что падаетъ, главнымъ образомъ, на трудовую интеллигенцію деревни; одновременно съ этимъ отъ правительства и земства требуется выработка раціональнаго плана дорожнаго строительства, финансовыя и таможенныя реформы и т. д.—словомъ, такія мѣры, которыя облегчатъ и упорядочатъ развитіе товарно-денежныхъ отношеній въ крестьянскомъ хозяйствѣ и будутъ способствовать сохраненію полной стоимости отчуждаемаго продукта въ рукахъ производителя. При интенсификаціи характеръ сѣвооборота (обиліе «торговыхъ» растеній) и пріобрѣтеніе средствъ производства на сторонѣ во много разъ увеличиваютъ связь самаго мелкаго хозяина съ рынкомъ, сравнительно съ эпохой господства экстенсивныхъ зерновыхъ культуръ, когда крестьянинъ сѣялъ почти исключительно для собственнаго потребленія, ладилъ самъ примитивную соху и борону. Теперь техника

и экономика сельскаго хозяйства становятся въ тѣсную зависимость другъ отъ друга: недостаточно научить крестьянина садить свеклу на поляхъ—надо отыскать способы сбывать ее по выгодной цѣнѣ. Когда московскіе агрономы распространяли травосѣяніе, они разчитывали, что на его основѣ разовьется молочное хозяйство; и у многіе крестьяне нашли болѣе выгоднымъ вмѣсто того, чтобы разводить коровъ, сбывать сѣно прямо въ Москву; въ Вятской губ. клеверъ сѣется на сѣмена, а въ Вологодской и Ярославской губ. вмѣстѣ съ травосѣяніемъ, дѣйствительно, распространилось молочное хозяйство. Въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, одинъ и тотъ же агрикультурный факторъ дастъ разнообразные экономическіе результаты. Вотъ почему построеніе организаціонныхъ плановъ крестьянскаго хозяйства должно быть основано на взаимодѣйствіи агрикультурныхъ и экономическихъ мѣропріятій, строго согласованныхъ съ окружающей обстановкой. Только *мѣстные* люди, хорошо знакомые съ конкретными особенностями своей среды, способны на выработку такихъ плановъ, а потому большая часть культурной работы по реорганизаціи системъ крестьянскаго хозяйства должно сосредоточиться въ *земствахъ и другихъ мѣстныхъ общественныхъ учрежденіяхъ.*

Требованія передачи этой работы изъ рукъ централизованной бюрократіи всецѣло въ руки земствъ и кооперативовъ являлись доминирующей нотой въ наиболѣе существенныхъ докладахъ на Кіевскомъ съѣздѣ, ихъ выставляло большинство ораторовъ, и мы, сознавая, что мѣстныя общественныя силы выросли, окрѣпли и созрѣли для такой работы, должны сомкнуть съ ними свои ряды.

Я не буду сейчасъ вдаваться въ существо общей программы текущей аграрной политики: для журнальной

статьи анализъ такихъ спеціальныхъ вопросовъ—слишкомъ громоздкая вещь. Но я позволю себѣ нѣсколько остановиться на одномъ *техническомъ* факторѣ, необходимомъ для интенсификаціи—именно, на *землеустройствѣ*. Наша народническая интеллигенція интересовалась до сихъ поръ не землеустройствомъ, а «землеразстройствомъ»—разрушеніемъ общины. «Землеразстройство»—чисто политическій, въ значительной степени, принудительный актъ, который, самъ по себѣ, только ухудшаетъ техническія условія крестьянскаго хозяйства, но который, по мнѣнію правительства, является необходимой предпосылкой для созданія на развалинахъ разрушенной общины новыхъ болѣе раціональныхъ технически формъ землепользованія. Однако, цѣлый рядъ извѣстныхъ въ литературѣ фактовъ показываетъ, что дѣйствительно необходимое землеустройство возможно и при сохраненіи общины, хотя эта послѣдняя потребуетъ, въ такомъ случаѣ, полной реорганизаціи передѣльнаго механизма. Теперь «землеразстройство» замираетъ: выходъ изъ общинъ, легализованныхъ закономъ, упалъ до десятковъ тысячъ дворовъ въ годъ (съ 1 января по 1-е мая 1913 г. укрѣпилось всего 41 тыс., за цѣлый 1912 г.—123 тыс. дворовъ). Почти всѣ общины, которыя по закону 14 іюня можно было признать несуществующими, зарегистрированы и центръ тяжести правительственной дѣятельности переносится на землеустройство, на которомъ, по моему, и слѣдуетъ теперь сосредоточить свое вниманіе. Землеустройство, какъ я уже говорилъ, необходимо для устраненія главныхъ препятствій къ интенсификаціи—дальноземелья и черезполосицы. Дальноземелье и черезполосица присущи одинаково и подворной и общинной деревнѣ и увеличиваются въ Россіи по направленію съ сѣверо-запада на юго-востокъ, вмѣстѣ съ укрупненіемъ размѣровъ поселеній. Радикальное устраненіе этихъ недостат-

ковъ произойдетъ лишь при разселеніи всѣхъ крестьянъ по хуторамъ. Но сплошная хуторизація Россіи и невозможна и нежелательна. Невозможна, благодаря а) природнымъ условіямъ—маловодію, отсутствію разнообразія угодій, разнокачественности почвы; б) экономическимъ: благоденствуютъ только многоземельные хуторяне (въ черноземной полосѣ), а на всѣхъ земли не напасешься; и у крестьянъ и у казны не найдется средствъ на переносъ построекъ, ссудную помощь на первоначальное обзаведеніе, гидротехническую и дорожную сѣть и т. д. Нежелательна потому, что въ русскихъ условіяхъ хуторяне дичаютъ, теряютъ зародыши культурности—возможность посѣщать школы и способность къ общественнымъ организаціямъ. Въ нѣкоторыхъ районахъ, главнымъ образомъ, на сѣверо-западѣ, такъ же какъ и на сѣверѣ Европы, хутора развиваются, благодаря природной и экономической обстановкѣ, и черезъ десятокъ—другой лѣтъ Псковская губ. можетъ превратиться въ хуторскую, какъ сосѣдній Прибалтійскій край и Финляндія. Но, какія бы мѣры ни принимало правительство, а въ Донщинѣ, на низовомъ Поволжьѣ, и вообще въ тѣхъ черноземныхъ районахъ, гдѣ мало воды и нѣтъ необходимой разноцвѣтности, пестроты угодій, хуторское хозяйство всегда будетъ исключеніемъ, доступнымъ лишь многоземельнымъ хозяевамъ, а подавляющее большинство останется въ деревняхъ. Между тѣмъ, центръ тяжести аграрнаго вопроса по прежнему лежитъ въ оскудѣлой, но, тѣмъ не менѣе, прокармливающей всю остальную Россію черноземной полосѣ. Поэтому основной задачей истиннаго землеустройства является такая реорганизація современной деревни, которая, сохраняя групповой типъ разселенія, вмѣстѣ съ тѣмъ, доводила бы до необходимаго при болѣе интенсивныхъ системахъ минимума указанные пережитки деревенской формы поселеній.

Разрѣшеніе этой задачи, по моему, даютъ *небольшіе поселки на сверстанной отрубами землѣ*. Слѣдя за ходомъ землеустройства, я постоянно убѣждался, что этотъ типъ разверстанія, встрѣчающійся теперь довольно рѣдко, неизмѣнно пользуется наибольшими симпатіями крестьянъ: онъ требуетъ гораздо меньше затратъ со стороны казны и населенія, чѣмъ хутора, болѣе приспособленъ къ природѣ черноземной полосы и сохраняетъ общеніе людей между собою. Даже хутора, по просьбамъ крестьянъ, часто выкраиваются такъ, чтобы усадьбы выходили на общую дорогу и находились вблизи другъ отъ друга; образуются группы хуторовъ, которые, съ разростаніемъ населенія, незамѣтно трансформируются въ отрубные поселки. Для насъ такіе поселки важны, потому что въ нихъ возможно сохраненіе общиннаго начала; для правительства они выгоднѣе, вслѣдствіе сокращенія расходовъ; для крестьянъ они пріятнѣе, потому что не разобщаютъ ихъ другъ отъ друга. Правительство должно-бы, въ сущности, понимать, что въ отрубныхъ поселкахъ съ общинной собственностью почти совсѣмъ исчезаетъ опасность дробленія землевладѣній, вставшая во весь ростъ передъ нимъ при хуторскомъ устройствѣ и заставившая его изобрѣсти коверкающій всѣ народные обычаи, въ высшей степени рискованный проектъ предѣльной дробимости хуторовъ, способный породить быстрое обезземеленіе милліонной массы. Размножившаяся на хуторѣ семья, при своемъ раздѣлѣ, по обычному праву наслѣдованія, раздробитъ его сразу на двѣ или три части. Правительство проектируетъ удалять сонаслѣдниковъ, вознаградивъ ихъ деньгами, которыя оно дастъ въ ссуду (до 90% земельной оцѣнки) остающемуся хуторянину. Получается перспектива разоренія уходящаго (на 200—300 руб. вознагражденія новаго хозяйства не заведешь) и обремененія ипотечными долгами остающа-

гося хозяина. Въ отрубномъ поселкѣ, при сохраненіи общиннаго начала, нарѣзка новыхъ отрубовъ для прибылыхъ семей черезъ 10—15 лѣтній срокъ, такъ же возможна, какъ и при черезполосицѣ нарѣзка новыхъ полосъ, причемъ старые хозяева потеряютъ не болѣе десятой доли прежняго участка—количество, вполнѣ возмѣщаемое подъемомъ производительности и цѣнности земли за этотъ промежутокъ времени. Хозяйство хуторянина будетъ потрясено до основанія раздвоеніемъ или бременемъ ипотечныхъ долговъ, хозяйство отрубника-общинника и не почувствуетъ убыли землевладѣнія. Но въ новой обстановкѣ, передѣльный механизмъ общины долженъ быть реформированъ такимъ образомъ, чтобы, во 1-хъ, не возникало прежней черезполосицы, во 2-хъ—чтобы крестьяне, внесшіе какія либо улучшенія въ свои участки, при обмѣнѣ на другіе—получили соотвѣтственное вознагражденіе за свой трудъ. Такое качественное уравненіе постоянно практикуется теперь при переходѣ на хутора и отруба и никакой новости не представляетъ.

При единоличной собственности, въ отрубныхъ поселкахъ, такъ же какъ и на хуторахъ, размноженіе населенія поведетъ или къ дробленію участковъ и образованію черезполосицы, или, если проектъ правительства пройдетъ въ жизнь,—къ обоюдному раззоренію уходящихъ и остающихся семей. Иного выхода на первый взглядъ нѣтъ: но, быть можетъ, эта грозная опасность взаимоуничтоженія при частной собственности послужитъ первымъ толчкомъ къ образованію товариществъ для совмѣстной обработки земли, для которыхъ небольшіе поселки, гдѣ многіе связаны родственными узами или многолѣтнимъ близкимъ сосѣдствомъ, представятъ гораздо болѣе благопріятную почву, чѣмъ современныя крупныя села. На хуторахъ же такія товарищества невозможны, благодаря конфигураціи участковъ и разобщенности уса-

дебъ. Конечно, на массовое движеніе въ этомъ направленіи пока разсчитывать нельзя; но землеустройство, какъ ни игнорируетъ его правительство, будетъ длиться десятки лѣтъ, въ теченіи которыхъ сознательность крестьянъ замѣтно подымется. Нашей обязанностью является пропагандированіе такихъ формъ землеустройства, которыя облегчатъ доступъ къ «производственнымъ» коопераціямъ, т. е. отрубныхъ поселковъ, потому что хутора и крупныя села представляютъ для возникновенія этихъ кооперацій много чисто техническихъ препятствій.

Итакъ, не отрицая необходимости землеустройства, мы должны пропагандировать такую его форму, которая, давая при минимумѣ затратъ со стороны правительства и народа, максимальный технический результатъ, охотно принимаясь населеніемъ, способствуя сельско-хозяйственному прогрессу, открыла бы, въ тоже время, путь для возможнаго въ будущемъ обобществленія трудовыхъ хозяйствъ, каковой формой и являются, по моему, отрубные поселки. Приведу примѣръ такой организаціи. Въ «Русскомъ Словѣ» проф. Исаевъ недавно разсказалъ о готовящемся въ с. Высокопольѣ Валкскаго у. (Харьковской губ.) разверстаніи на хутора и отруба. Въ селѣ болѣе 1000 дворовъ, и отдаленность полей и луговъ отъ усадьбы заставила высокопольцевъ, при первыхъ слухахъ о землеустройствѣ, года 3 назадъ заговорить о выходѣ на отруба. Съ весны этого года уже приступлено къ разверстанію угодій. Нѣкоторые «старожилы» переходятъ на хутора, но главная масса покидающихъ старыя усадьбы разселяется отрубными поселками. На землѣ, подлежащей разверстанію, есть тамъ и сямъ пруды и балки съ водой: они-то и позволяютъ образовать рядъ мелкихъ деревушекъ, которыя, по плану землеустроительной комиссіи, окружаютъ кольцомъ *культурный центръ*— ту площадь, на которой находятся церковь, школа и при

ней плодовый садъ и питомникъ. Тамъ же помѣщается кредитное товарищество, сельско-хозяйственное общество и потребительная лавка. Комиссія предлагаетъ оставить этотъ культурный центръ съ землей въ количествѣ около 100 дес. въ *общемъ владѣніи* всѣхъ будущихъ отрубниковъ. Крестьяне колеблются, хотя каждому изъ нихъ, при 10 тыс. дес. надѣла села, придется потерять не болѣе одного процента «личной» земельной собственности, причемъ, въ будущемъ, эта потеря возмѣстится съ лихвой выгодой отъ экономическаго и культурнаго развитія всего района, если этотъ планъ осуществится. Пройдетъ онъ или нѣтъ, я не знаю, но именно такой типъ разверстанія мнѣ кажется образцовымъ...

Землеустройство, агрикультурныя и экономическія мѣропріятія, прямо или косвенно содѣйствующія развитію производительности земли и повышенію доходности крестьянскаго хозяйства, при отсутствіи побочныхъ политическихъ тенденцій, направляются на всю массу земледѣльческаго населенія, не различая въ ней «сильныхъ» и «слабыхъ». Но вліяніе этихъ мѣръ на разные экономическіе слои, на которыя дѣлятся трудовыя хозяйства, различно. Если мы разобьемъ крестьянскую массу на три группы — многоземельныхъ, съ участкомъ земли не ниже трудовой нормы, среднеземельныхъ съ участкомъ не менѣе потребительной нормы, и малоземельныхъ, которые не могутъ прокормиться со своей земли и принуждены дополнять свой бюджетъ сторонними заработками, и посмотримъ, какъ воспринимаются каждой изъ группъ блага техническаго и экономическаго прогресса, то мы увидимъ, что двѣ первыя группы оказываются болѣе приспособленными къ воспріятію и продуктивному использованію этихъ благъ, чѣмъ, третья. Многоземельные первыми пріобрѣтаютъ усовершенствованныя орудія и этимъ возмѣщаютъ недостатокъ рабочихъ рукъ, если

онъ обнаружится при интенсификаціи, среднеземельные имѣющіе большіе запасы избыточнаго живого труда, технически болѣе приспособлены къ интенсификаціи, а недостатокъ необходимыхъ средствъ они восполняютъ усерднымъ участіемъ въ кредитныхъ кооперативахъ. Малоземельные у насъ имѣютъ, конечно, колоссальный избытокъ труда, но этотъ трудъ они вынуждены растрачивать въ погонѣ за сторонними заработками. Лучшія силы уходятъ отъ земли, на ней остаются второсортные вспомогательные элементы трудовой семьи — женщины подростки, старики. Такъ же какъ рабочія руки, плохи у нихъ орудія труда и рабочій скотъ, хотя и то и другое имѣется у нихъ въ избыткѣ—тамъ гдѣ довольно одной лошади, малоземельные содержатъ двѣ. Безплодно растрачивая свои силы и средства, они не накопляютъ сбереженій, а наоборотъ постоянно запутаны въ долгахъ и въ то же время, кооперативнымъ кредитомъ они пользуются въ 2—3 раза слабѣе, чѣмъ среднеобезпеченная группа. Правда, урожайность на ихъ надѣлахъ, въ особенности въ нечерноземной полосѣ, немногимъ выше чѣмъ у остальныхъ группъ, но этого слабаго повышенія производительности земли, они достигаютъ громадными затратами труда и капитала: переведя на деньги и сбалансировавши приходо-расходъ въ хозяйствахъ меньше 9 дес., кн. Кудашевъ нашелъ, что, при экстенсивныхъ системахъ земледѣлія, чистый убытокъ на десятину въ такихъ хозяйствахъ—превосходитъ 23 рубля, при болѣе интенсивныхъ—выше 11 рублей. Такимъ образомъ, малоземельные хозяева отличаются *наименьшей производительностью труда* и, менѣе другихъ трудовыхъ слоевъ, способны реагировать на агрикультурныя мѣропріятія, что призналъ и сельско-хозяйственный съѣздъ вынесшій такую резолюцію: «Относительно обезпеченные землей слои деревни являются наиболѣе способными

къ сельско-хозяйственному прогрессу... преимущественно къ нимъ со стороны агрономовъ вниманіе оправдывается тѣмъ, что работа въ этихъ хозяйствахъ болѣе результативна и опредѣленна, чѣмъ въ хозяйствахъ мелкихъ, гдѣ земледѣліе нерѣдко имѣетъ подсобный характеръ».

Предположимъ, что организованный общественный кредитъ доставитъ малоземельнымъ нужныя средства, предположимъ даже, что удастся развить въ широкомъ масштабѣ рекомендованныя съѣздомъ, какъ панацея отъ всѣхъ бѣдъ малоземелья, трудовыя артели: и все-таки даже и тогда, недостатокъ земли будетъ тормозить въ мелкихъ хозяйствахъ развитіе производительныхъ силъ. А такъ какъ количество этихъ послѣднихъ очень велико, общій ходъ сельско-хозяйственнаго прогресса задержится по всей странѣ. На съѣздѣ указывали, что въ Западной Европѣ есть поставленныя образцово хозяйства въ 1—2 десятины, на которыхъ прекрасно кормится цѣлая семья. Но эти хозяйства отличаются высокой степенью интенсивности, которая у насъ (въ массовомъ видѣ) невозможна:

Во 1-хъ, благодаря слабому развитію мѣстнаго рынка. Даже въ Германіи, гдѣ $^3/_4$ населенія живутъ въ городахъ, густо разбросанныхъ по всей странѣ, гдѣ каждый малоземельный можетъ гуляючи отвезти или отнести на базаръ корзину своихъ овощей и плодовъ—даже тамъ цѣлыхъ 26% сельско-хозяйственной площади въ хозяйствахъ менѣе 2-хъ гектаровъ лежатъ впустѣ — подъ пастбищами, лѣсомъ и прочими необрабатываемыми угодьями, потому что владѣльцамъ ихъ оказывается болѣе выгоднымъ работать на сторонѣ. Вообще, самостоятельное сельское хозяйство у владѣльцевъ 0,5—2 гектаровъ является главной профессіей только для 28%, въ группѣ въ 2—5 гектаровъ—для 71,3%; $^3/_4$ хозяйствъ первой группы и почти треть во второй — живутъ сторон-

ними промыслами. Поэтому высоко-интенсивныя культуры—огороды, сады, виноградники и усадьбы занимаютъ въ первой группѣ около 10%, во второй до 5% территоріи—хотя и гораздо больше, чѣмъ въ остальныхъ, болѣе крупныхъ хозяйствахъ, однако весьма мало для того, чтобы можно было говорить о массовомъ сельскохозяйственномъ прогрессѣ у малоземельныхъ Германіи. Въ Россіи же, гдѣ близкій сбытъ для громоздкихъ продуктовъ интенсивной культуры встрѣчается какъ исключеніе, мечтать о превращеніи болѣе или менѣе значительной части малоземельныхъ хозяйствъ изъ зерновыхъ и потребительныхъ въ плодосмѣнныя и товарныя можно лѣтъ черезъ 50, но не теперь.

Во 2-хъ—вслѣдствіе низкаго уровня сельско-хозяйственной производительности во всей странѣ. Въ каждой странѣ, въ каждомъ районѣ внутри страны, въ зависимости отъ плотности населенія, физико-географическихъ условій, состоянія рынка, уровня общей культурности и степени развитія производительныхъ силъ, подавляющее большинство земледѣльцевъ ведетъ болѣе или менѣе однотипичное хозяйство по однородной системѣ и опережаютъ эту систему только выдающіяся единицы. Теперь русское крестьянство начинаетъ всей массой сдвигаться съ вѣкового трехполья и переходить на улучшенную зерновую систему, гдѣ—съ травосѣяніемъ, гдѣ—съ примѣсью плодосмѣна. Но малоземельные, чтобы кормиться исключительно отъ земли, должны добывать изъ нея относительно вдвое болѣе, чѣмъ остальныя группы, а для этого имъ нужно сдѣлать гигантскій прыжокъ, перескочивъ черезъ ту ступень эволюціи, на которую переходитъ остальная масса—прямо къ чистому плодосмѣну и огородной культурѣ. Въ исторіи сельскаго хозяйства такіе прыжки не встрѣчались, и я убѣжденъ,

что для нашихъ малоземельныхъ они слишкомъ головоломны.

Итакъ исходя изъ основного постулата программы — развитія производительныхъ силъ, слѣдуетъ признать крестьянское малоземелье однимъ изъ главнѣйшихъ препятствій къ этому развитію, а потому необходимо привести въ дѣйствіе такія мѣры, которыя способны *сразу* уничтожить, или *постепенно* ослабить это зло.

Мы не будемъ касаться здѣсь — того единственнаго способа который позволилъ бы покончить съ этимъ зломъ однимъ ударомъ: этотъ способъ общеизвѣстенъ. Но — осуществится онъ, или нѣтъ, и если осуществится, то когда именно — объ этомъ можно только гадать. Но «гадать» — занятіе праздное. Между тѣмъ на нашихъ глазахъ происходитъ все болѣе ускоряющимся темпомъ перетеканіе земли отъ крупно-капиталистическаго землевладѣнія къ трудовому и сотни тысячъ малоземельныхъ ежегодно находятъ себѣ пріютъ въ азіатскихъ равнинахъ и предгорьяхъ. Вотъ эти повседневные, постоянные процессы съ нѣкоторымъ дополненіемъ и должны быть использованы для *прекращенія дальнѣйшаго прироста деревенскаго населенія*, а слѣдовательно и продолжающагося дробленія хозяйствъ. Въ Западной Европѣ приростъ сельскаго населенія и парцеллированіе земледѣльческихъ хозяйствъ пріостановились уже десятки лѣтъ тому назадъ, что и дало возможность прогрессирующимъ системамъ *начать* не растущую больше плотность населенія. Системы хозяйства, по всей интенсивности, стали на одномъ уровнѣ съ плотностью населенія, благодаря чему получилось гармоническое развитіе производительныхъ силъ. У насъ, для пріобрѣтенія такой же гармоніи, требуется не только развитіе производительности земли при помощи *общихъ* агрикультурныхъ и экономическихъ мѣропріятій, но и развитіе производитель-

ности *труда*, постепенно достигаемое пріостановкой дальнѣйшаго прироста избыточнаго населенія въ деревняхъ. Сейчасъ, землеустройство, соціальная дифференціація и мобилизація надѣловъ особенно обострили вопросъ объ избыточномъ населеніи, а правительственный проектъ о недробимости хуторовъ и отрубовъ сдѣлаетъ его еще болѣе «злобой дня». Вотъ почему, я считаю, что и въ существующихъ политическихъ условіяхъ, безъ программы соціальныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ устройству избыточнаго населенія, никакое правительство обойтись не сумѣетъ, если только оно хочетъ охранить страну отъ новыхъ политическихъ потрясеній.

Естественный приростъ сельскихъ жителей, вмѣстѣ съ теряющими свои надѣлы «укрѣпленцами» — чистыми земледѣльцами по профессіи — составляетъ болѣе 2-хъ милліоновъ душъ ежегодно. Изъ нихъ 400 — 500 тыс. душъ находятъ себѣ заработокъ въ городахъ Европейской Россіи, около 100 тысячъ въ Азіатской, и неизвѣстное количество — быть можетъ — 200—300 тыс. во внѣгородскихъ неземледѣльческихъ промыслахъ. Городъ и индустрія поглощаютъ у насъ послѣ 1910 г. въ предѣлахъ Европы, вѣроятно не болѣе $^1/_3$ избыточнаго прироста населенія деревни. Двѣ трети (конечно, въ лицѣ малоземельныхъ) должны найти выходъ *на землю* за предѣлами своихъ надѣловъ. Этотъ выходъ могутъ имъ доставить:

1) Мобилизуемыя частновладѣльческія и крестьянскія надѣльныя земли.

2) Переселеніе въ Азіатскую Россію.

3) Мелiорація неудобныхъ и малоудобныхъ земель въ Европейской Россіи.

Сейчасъ только черезъ крестьянскій банкъ мобилизуется не менѣе милліона десятинъ въ годъ: мобилизація надѣловъ, даже по неполнымъ оффиціальнымъ источ-

никамъ доходитъ до полумилліона дес.—итого $1^1/_2$ мил. дес., не считая земли, переходящей къ крестьянамъ черезъ другіе земельные банки. Если бы всѣ эти $1^1/_2$ мил. дес. попадали въ руки исключительно обезземеленныхъ и малоземельныхъ крестьянъ—то, считая по 10 дес. и 5 душъ на семью—(у малоземельныхъ семьи не велики) этотъ фондъ далъ бы возможность переводить въ группы среднеобезпеченныхъ не менѣе 150 тысячъ семей и 750 тысячъ душъ ежегодно.

Переселеніе, даже теперь, въ годы упадка, поглощаетъ 200—250 тыс. душъ. Послѣ спеціальнаго изслѣдованія вопроса о колонизаціонной емкости Азіатской Россіи, я пришелъ къ выводу, что даже вполнѣ раціонально поставленная колонизація не можетъ размѣстить болѣе 300 тыс. душъ ежегодно—т. е. около 50—60 тыс. семей. Въ Сибирь сейчасъ идутъ почти исключительно безземельные и малоземельные.

Остальной массѣ—300—400 тыс. душъ, земля можетъ быть доставлена, при помощи раціональной системы мелioрацій, потребующей нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей въ годъ и способной дать до 1 милл. дес. ежегодно новаго удобнаго земельнаго фонда въ Европейской Россіи.

Мобилизація земель и переселеніе частью направляются сейчасъ бюрократіей, частью—напримѣръ, мобилизація надѣловъ—почти не регулируются ни казенными ни общественными учрежденіями [1]). За послѣдніе годы со стороны земствъ проявилось стремленіе взять дѣло переселенія въ свои руки. Такъ, образованная изъ 7 южныхъ земствъ областная переселенческая организація уже довольно много сдѣлала въ смыслѣ упорядоченія дѣла выселенія съ мѣстъ родины. Сейчасъ положеніе переселен-

[1]) Какъ извѣстно, законъ, запрещающій скупку болѣе 6 душевыхъ надѣловъ въ одни руки, обходится очень легко.

ческаго вопроса таково, что изъ него естественнымъ образомъ вытекаетъ «раздѣленіе труда» между правительствомъ и земствами. Правительство устремило все свое вниманіе на *колонизацію* Азіатской Россіи. Въ цѣломъ рядѣ законопроектовъ, находящихся на разсмотрѣніи Государственной Думы, переселенческое вѣдомство выступаетъ въ новой роли — министерства колоній; заботы о томъ, кто такіе и откуда идутъ переселенцы, какъ они ликвидируютъ свои земли и имущество, откуда они узнаютъ о новыхъ мѣстахъ — теперь его почти не касаются. Правительство разсматриваетъ переселеніе, не какъ «выселеніе трудовыхъ массъ съ родины», не какъ средство устройства хотя бы части малоземельныхъ, а какъ заселеніе окраинъ русскими людьми. Двѣ стороны переселенческаго дѣла—*эмиграція* изъ Европейской Россіи и *иммиграція* въ Азіатскую распадаются на двѣ части, въ значительной степени независимыя другъ отъ друга, и первая часть естественно упадаетъ на земскія и другія *мѣстныя* общественныя (въ томъ числѣ кооперативныя) учрежденія. Земскія и общественныя учрежденія должны организовать освѣдомительный аппаратъ: удобный фондъ Азіатской Россіи далеко не такъ великъ, какъ раньше можно было предполагать, на западѣ ея онъ уже почти исчерпанъ — нарѣзка участковъ продвигается все далѣе на востокъ въ неизвѣданные европейскими крестьянами районы. Сотни тысячъ самовольцевъ двигаются по старымъ проторенымъ тропамъ на западъ, мыкаются нѣсколько лѣтъ въ качествѣ «непричисленныхъ» батраками и арендаторами у сторожиловъ и, потерявъ всѣ надежды, возвращаются обратно. Близкіе къ крестьянамъ, пользующіеся ихъ довѣріемъ агенты земствъ или другіе представители деревенской интеллигенціи въ устныхъ разсказахъ, лекціяхъ, въ популярной литературѣ могутъ ознакомить крестьянъ съ современнымъ

положеніемъ колонизаціоннаго фонда, удерживать ихъ отъ необдуманныхъ шаговъ, и такая дѣятельность сбережетъ народу цѣлые милліоны.

Еще болѣе важное дѣло мѣстныхъ органовъ—ликвидація имущества переселенцевъ. Почти всѣ переселенцы продаютъ свои надѣлы и прочую «худобу»—иначе имъ не съ чѣмъ двинуться въ путь; большинство продаетъ за три мѣсяца до отъѣзда, иногда передъ самымъ отъѣздомъ, наспѣхъ, тому, кто можетъ заплатить деньги сейчасъ-же; а можетъ ихъ заплатить конечно, главнымъ образомъ, деревенскій кулакъ, который даетъ вдвое меньше, чѣмъ стоитъ земля и «худоба». Правда, казна выдаетъ ссуды подъ залогъ надѣльныхъ земель, но не продавцамъ, а покупателямъ. Между тѣмъ, выдача ссудъ подъ залогъ надѣловъ и имущества переселенцамъ, продающимъ надѣлы, помимо того, что увеличитъ запасы ихъ денежныхъ средствъ на дорогу, спасаетъ многимъ изъ нихъ отъ окончательнаго разоренія, ибо не нашедшіе пріюта въ Сибири «обратники» сохранятъ на родинѣ пристанище для себя. Г. Зенченко въ своей брошюрѣ «Переселеніе и земство», говоритъ, что «по даннымъ статистическихъ изслѣдованій Черниговскаго, Харьковскаго и Полтавскаго земствъ потери переселенцевъ при ликвидаціи имущества, достигаютъ очень значительныхъ размѣровъ—чуть ли не $^1/_3$ всей выручаемой при продажѣ имущества суммы. Въ настоящее время земства серьезно занялись этимъ вопросомъ, и надо думать, что онъ будетъ такъ или иначе разрѣшенъ». (Стр. 55).

Если земства серьезно займутся этимъ дѣломъ—оно явится зацѣпкой для перехода къ болѣе широкой задачѣ — урегулированія мобилизаціи надѣльныхъ земель вообще. Кстати и кооперативы выставили на своемъ послѣднемъ съѣздѣ эту задачу. Необходимость разрѣшенія ея такъ или иначе назрѣла давно, ибо нечего скры-

вать, что общинное землевладѣніе *юридически* уже уничтожено въ половинѣ Россіи, въ которой надѣльная земля входитъ теперь въ товарный оборотъ [1]). При существующемъ положеніи вещей, практическимъ дѣятелямъ приходится стремиться лишь къ введенію мобилизаціи надѣловъ въ такое русло, чтобы мобилизуемый фондъ перетекалъ къ малоземельнымъ слоямъ деревни. Такая задача по плечу лишь мѣстнымъ общественнымъ силамъ: правительственные агенты не въ состояніи справиться съ дробной куплей-продажей земли по десятинкамъ, каковыя составятъ главную массу сдѣлокъ по надѣльной землѣ.

Недавно опубликованная анкета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ 5 губерніяхъ, даетъ возможность болѣе или менѣе точно установить на цифрахъ, относительное значеніе различныхъ причинъ, побуждающихъ крестьянъ къ продажѣ надѣловъ. Въ этихъ губерніяхъ, изъ 30,2 тыс. крестьянъ, продавшихъ свою землю, 39,8% не были и раньше земледѣльцами, или разстались съ земледѣліемъ послѣ ликвидаціи; 14,2% переселилось въ Сибирь, 8,6% продало землю по болѣзни, старости или одиночеству, 18,8%—отъ неурожаевъ и нужды, 5,7% купили другіе участки черезъ крестьянскій банкъ и 12,9—по разнымъ другимъ причинамъ (пьянство, расточительность, желаніе улучшить хозяйство, семейныя дѣла и пр.). Такимъ образомъ, настоящими земледѣльцами изъ общаго числа продавцовъ оказываются всего 60%; такъ какъ большинство изъ 5 описанныхъ губерній, лежитъ на востокѣ, гдѣ промышленная жизнь раз-

---

1) По послѣднимъ свѣдѣніямъ, къ 1 мая 1913 г. укрѣпило свои земли 1787 тыс. домохозяевъ, а число дворовъ въ общинахъ, упраздненныхъ по 1 статьѣ закона 14 іюня, опредѣлялось къ 1912 г. въ 3543 тыс.— итого 5330 тыс. изъ 10 милліоновъ всѣхъ общинныхъ дворовъ. Впрочемъ, эту цифру нужно нѣсколько уменьшить, т. к. одни и тѣ же дворы могли, быть сосчитаны дважды—въ той и другой группѣ.

вита слабо (Уфимская, Самарская, Ставропольская), то надо думать, что въ центрѣ процентъ крестьянъ-продавцовъ, принадлежащихъ фактически къ промышленному пролетаріату еще выше. Удерживать ихъ отъ продажи не имѣетъ смысла; но стремленіе къ сохраненію земли за истыми земледѣльцами, теряющими надѣлъ по случайной нуждѣ, отъ неурожаевъ, а также за переселенцами, пока тѣ не устроятся на новыхъ мѣстахъ, должно явиться первой цѣлью тѣхъ мѣстныхъ организацій, которыя возьмутся за это дѣло. Этимъ группамъ продавцовъ поможетъ раціонально поставленная залоговая операція.

Второй задачей такихъ организацій явится выдача ссудъ для покупки ликвидируемыхъ надѣловъ мѣстными малоземельными хозяевами. Если обѣ эти задачи будутъ разрѣшаться болѣе или менѣе успѣшно — это повлечетъ къ урегулированію цѣнъ на землю, что крайне необходимо, такъ какъ теперь продавцы — преимущественно малоземельные, нуждающіеся въ деньгахъ, торопятся сбыть свои надѣлы и ликвидируютъ ихъ по пониженнымъ цѣнамъ.

Обстановка мобилизаціи надѣловъ такова, что она, сама по себѣ, повлечетъ, въ ближайшемъ будущемъ, къ передачѣ регуляторнаго аппарата мобилизаціи въ руки мѣстныхъ общественныхъ органовъ. Мобилизація вид. надѣльныхъ земель проходитъ цѣликомъ черезъ казенныя и частно-капиталистическія учрежденія. Крестьянскій банкъ въ рукахъ правительства является могучимъ орудіемъ для проведенія въ жизнь его плана землеустройства: почти всѣ участки, продаваемые непосредственно самимъ банкомъ, и растущая годъ отъ году доля участковъ, переходящихъ къ крестьянамъ черезъ банкъ, нарѣзаются хуторами и отрубами, при чемъ количество хуторовъ относительно здѣсь гораздо больше, чѣмъ на зе-

мнеустраиваемой для единоличныхъ владѣльцевъ надѣльной землѣ. Хутора—довольно крупныхъ размѣровъ (въ среднемъ—болѣе 15—дес.); покупателями ихъ являются, преимущественно, безземельные и малоземельные, которые, благодаря этому изъ низшихъ слоевъ деревни сразу попадаютъ въ высшіе. Нѣкоторые авторы, напр. С. П. Прокоповичъ, утверждаютъ, что эти безъ и малоземельные покупатели рекрутируются изъ мелкой сельской буржуазіи — лавочниковъ, трактирщиковъ и т. д. Но во 1-хъ, такихъ покупателей очень много—пожалуй въ иныхъ районахъ въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ наберется деревенскихъ лавочниковъ во всей округѣ; во 2-хъ, какой, собственно, интересъ заставитъ лавочника бросать насиженное мѣсто въ деревнѣ, переселиться на хутора и браться за плугъ, котораго онъ, быть можетъ, никогда и руками не трогалъ. Прямыхъ данныхъ насчетъ классоваго состава покупателей банковскихъ хуторовъ мы не имѣемъ, но есть косвенные показатели—относительно небольшое количество скота и многочисленныя указанія на малую платежеспособность хуторянъ на банковской землѣ, которые удостовѣряютъ, что большинство этихъ хуторянъ—дѣйствительно оскудѣлые элементы земледѣльческаго населенія. Маломощному, оскудѣвшему мужику, имѣющему 5 дес. своего надѣла, прибавка 5 десятинъ поможетъ встать на ноги; но когда ему даютъ 15—20 десятинъ, обремененныхъ большими платежами за землю, требуютъ, чтобы онъ перенесъ на нихъ свою усадьбу и говорятъ—«бери все, или ничего не получишь»—онъ, конечно, беретъ, но черезъ годъ-два запутывается въ долгахъ, теряетъ хуторъ, а съ нимъ и свои прежніе жалкіе достатки. Между тѣмъ, эти 15 дес., прирѣзанныя къ надѣламъ 3-хъ малоземельныхъ хозяевъ, были бы, во 1-хъ, использованы болѣе продуктивно, во 2-хъ, обезпечили бы этимъ хозяевамъ сносное

существованіе. Крестьянскій банкъ не откажется отъ своей земельной политики, пока не ударитъ его больно по карману. Но это, если и случится, то не скоро, потому что разоряя маломощныхъ покупщиковъ большими хуторами, банкъ самъ не остается въ убыткѣ: всѣ прежніе платежи задолжавшаго хуторянина остаются у него вмѣстѣ съ землей. Въ данномъ случаѣ возможна единственная, хотя и весьма слабая надежда, что законодательнымъ путемъ когда-либо удастся добиться передачи всего землеустройства на банковской и проходящей черезъ банкъ землѣ, опять таки, въ руки мѣстныхъ общественныхъ учрежденій, о чемъ на сельско-хозяйственномъ съѣздѣ было немало разговоровъ.

Послѣдній пунктъ соціальной программы текущей аграрной политики—*мелiораціи*. Мелiораціи имѣютъ не только техническое, но и *соціальное* значеніе. Необходимость расширенія земельнаго фонда внутри Европейской Россіи путемъ мелiораціи, усилилась послѣ того, какъ внезапный наплывъ милліоновъ переселенцевъ въ Сибирь, обнаружилъ въ этой послѣдней недостаточность свободнаго земельнаго фонда, доступнаго земледѣлію безъ мелiораціи. Правительство возмѣщаетъ этотъ недостатокъ отрѣзками земель, находящихся въ пользованіи сторожиловъ и киргизовъ. Но, помимо того, что отрѣзки расширяютъ экономическое благополучіе туземнаго населенія, ихъ хватитъ всего на нѣсколько лѣтъ—въ нѣкоторыхъ западно-азіатскихъ областяхъ они уже близки къ истощенію. Остальной азіатскій фондъ, хотя и громадетъ, но это—либо непролазная лѣсная чаща на сѣверѣ, притомъ въ значительной части заболоченная, либо безводныя пустыни на югѣ; земли, пригодныя для колонизаціи безъ осушенія болотъ, корчеванія лѣсовъ или наоборотъ безъ оросительныхъ сооруженій, во многихъ мѣстахъ скоро будутъ измѣряться сотнями десятинъ, тогда какъ,

по ходу переселенія, требуются десятки и сотни тысячъ. Притомъ климатъ, а зачастую и почва, значительно хуже, чѣмъ въ Европейской Россіи, и даже офиціознымъ писателямъ все чаще и чаще приходитъ въ голову, что гораздо раціональнѣе и для правительства и для народа, вмѣсто болотъ Приамурья, осушать такія же болота въ Полѣсьѣ, въ приозерномъ краѣ подъ Петроградомъ, выкорчевывать казенные лѣса въ Вологодской, Пермской, Вятской и даже Архангельской губ., вмѣсто обводненія киргизскихъ степей, оживить водой незанятыя пространства Волжско-Донского района, и т. д. Кромѣ этихъ обширныхъ «неудобій» въ Европейской Россіи, площадь которыхъ измѣряется 70 мил., даже сотней милліоновъ десятинъ, во всякомъ сельскомъ надѣлѣ лежатъ десятки и сотни десятинъ малоудобныхъ выгоновъ, разныхъ пустырей, которые кое-какъ еще использовались при общинной системѣ, но которые будутъ заброшены совсѣмъ при переходѣ на хутора и отруба. Между тѣмъ, эти «бросовыя» земли очень часто доступны превращенію ихъ въ луга и пашни, если почвы въ общемъ благопріятны, при помощи обводненія, посѣва кормовыхъ травъ, (что предлагаетъ напр. Новоузенское земство по отношенію къ выгонамъ) известкованія, дренажа, и т. д. Вотъ эти-то мелкія площади меліорированныхъ и окультуренныхъ земель могли бы послужить фундаментомъ для образованія на нихъ небольшихъ трудовыхъ артелей изъ малоземельныхъ крестьянъ. Правительство давно стремится связать меліораціи съ общественными работами, которыми оно пытается замѣнить продовольственныя ссуды крестьянамъ. Ассигнованіе 150 милліоннаго Романовскаго фонда на меліораціи еще болѣе расширятъ масштабъ общественныхъ работъ меліоративнаго характера. Артели, образованныя изъ малоземельныхъ данной мѣстности, могли бы на средства изъ этого фонда при-

вести въ пригодное для сельскаго хозяйства состояніе малоудобную и неудобную часть поселеннаго надѣла и затѣмъ поселиться на ней, не раздѣляя ее въ частную собственность, тѣмъ болѣе, что *оросительныя* сооруженія тѣсно спаиваютъ мелкія хозяйства между собою обоюдными интересами. Въ Туркестанѣ, благодаря этимъ сооруженіямъ, среди сартовъ земледѣльцевъ распространился довольно совершенный типъ — не поземельной, а водной общины. Вся сложная организація гидротехническихъ и другихъ мелiорацій не можетъ миновать рукъ мѣстныхъ общественныхъ учрежденій, главной заботой которыхъ должно быть использованіе создаваемаго мелiораціями новаго фонда на покрытіе земельной нужды и тамъ, гдѣ это возможно, обобществленія ликвидируемыхъ хозяйствъ на этой почвѣ.

На этомъ я покончу съ характеристикой проблемъ текущей аграрной политики. Сознавая всю схематичность, неразработанность предлагаемаго чернового наброска программы по этой политикѣ [1]), я, тѣмъ не менѣе, рискую на его опубликованіе, потому что время не терпитъ. Пусть мой планъ мѣропріятій во многомъ ошибоченъ, можетъ быть я самъ, послѣ тщательнаго анализа фактовъ, радикально его переработаю, но главной моей цѣлью было — обратить вниманіе читателей на то, что дѣлается теперь въ разбуженной ударомъ 1905 г. земледѣльческой Россіи. Не говоря о крестьянахъ, земства и даже правительство никогда не проявляли такихъ творческихъ порывовъ, какъ теперь. Всѣ работаютъ, суетятся, создаютъ разнородные проекты, а мы молчимъ въ историческій моментъ перелома *хозяйственнаго* строя,

---

1) Въ деталяхъ мной разработанъ сейчасъ только переселенческій вопросъ. Остальные вопросы программы потребуютъ работы нѣсколькихъ лѣтъ.

который всегда и вездѣ ведетъ за собой переломъ въ строѣ политическомъ. Если найдутся у насъ возможности вмѣшаться въ самую гущу совершающагося переворота—мы обязаны ихъ использовать до послѣдней крупицы, чтобы сыграть свою роль въ исторіи націи. И такія возможности у насъ есть, или скоро будутъ.

Для открытой работы всякаго общественнаго дѣятеля въ аграрномъ вопросѣ существуютъ теперь въ Россіи четыре поприща: Государственная Дума, земства, кооперація и общественное мнѣніе. Роль общественнаго мнѣнія въявь выростаетъ передъ нами не по днямъ, а по часамъ, особенно, съ тѣхъ поръ, какъ все болѣе выясняется необходимость передачи цѣлаго ряда агрикультурныхъ, экономическихъ и соціальныхъ задачъ аграрной политики изъ бюрократическаго центра въ мѣстныя земскія и общественныя организаціи. Подлинная земская сила растетъ и будетъ расти—къ этому влечетъ закономѣрный ходъ аграрной эволюціи. Центру въ ближайшемъ будущемъ останется давать лишь общія директивы, устанавливать нормы, распредѣлять ассигновки, а вся фактическая творческая работа сосредоточится на мѣстахъ, въ разнородныхъ общественныхъ ячейкахъ, участіе въ которыхъ гораздо болѣе доступно для насъ. Захотимъ мы работать въ этихъ ячейкахъ—я увѣренъ, мы многое сможемъ сдѣлать для народа и для скорѣйшаго проведенія въ жизнь нашихъ принциповъ—не захотимъ—и безъ насъ обойдутся...

Въ заключеніе — нѣсколько словъ относительно настоящаго политическаго момента. Онъ считается напряженнымъ, но даже если бы предстоящія перемѣны въ политическомъ положеніи принесли съ собой, въ ближайшемъ будущемъ, основное измѣненіе въ земельныхъ отношеніяхъ,—все-таки, большая часть перечисленныхъ мной задачъ текущей аграрной политики сохранятъ свое значеніе. Таковы общія задачи агрикультурныхъ и эко-

номическихъ мѣропріятій,—землеустройство, размѣщеніе вновь нарастающаго избыточнаго населенія деревни въ Азіатской и Европейской Россіи, меліораціи, кооперативы и т. д. Измѣнившись по внѣшнимъ формамъ, по масштабу, они останутся неизмѣнными по существу, и только одинъ пунктъ—касающійся мобилизаціи земель—отпалъ бы совершенно или радикально видоизмѣнился. Поэтому я смѣло берусь утверждать, что программа текущей аграрной политики можетъ разрабатываться и осуществляться, въ значительной степени, самостоятельно, независимо отъ тѣхъ судебъ, которыя постигнутъ, въ ближайшемъ будущемъ, народническую программу-минимумъ, центромъ тяжести которой являются отношенія *землевладѣнія,* зависящія, главнымъ образомъ, отъ политическихъ факторовъ: тогда какъ въ программѣ текущей аграрной политики на первомъ мѣстѣ стоятъ *хозяйственныя* отношенія и главной цѣлью ея является развитіе производительныхъ силъ, совершающееся чисто *эволюціоннымъ* путемъ...

Итакъ, я зову съ радужныхъ теоретическихъ небесъ на сѣрую землю скучной дѣйствительности. Услышитъ ли кто мой призывъ — я не знаю, но сдѣлать его я считалъ своей нравственной обязанностью.

Н. Огановскій.

Кесарево—Кесарю.

Въ предыдущей книгѣ «Завѣтовъ» читатель встрѣтилъ статью Н. П. Огановскаго. Она называется «Съ небесъ на землю». Поводомъ, если не для написанія этой статьи, то, во всякомъ случаѣ, для ея наименованія послужила моя работа, появившаяся также въ «Завѣтахъ» осенью 1912 года. Работа эта была посвящена, во первыхъ, посильной характеристикѣ крестьянства, какъ общественнаго класса, а во-вторыхъ, выработкѣ принципіальныхъ, теоретическихъ основъ аграрной программы. Съ моими теоретическими положеніями Н. П. Огановскій совершенно несогласенъ. Но не это обстоятельство заставило Огановскаго взяться за перо. Не существо моихъ положеній заставило его звать своихъ читателей «съ небесъ на землю».

Вниманіе автора «привлекла не столько сущность моихъ теоретическихъ построеній, сколько тотъ страстный интересъ, который обнаружила къ нимъ наша интеллигенція, главнымъ образомъ, изъ народническаго лагеря». Этотъ «страстный интересъ» внушилъ Огановскому «серьезныя опасенія, какъ бы наша общественная мысль не умчалась въ заоблачную высь произвольныхъ, абстрагированныхъ отъ реальности обобщеній, тогда какъ земная дѣйствительность не ждетъ, и если мы теперь не вмѣшаемся въ самую гущу этой жизни, мы рискуемъ очутиться за бортомъ»...

Во избѣжаніе этого Огановскій «считаетъ своей нравственной обязанностью сдѣлать призывъ съ радужныхъ теоретическихъ небесъ на сѣрую землю скучной

дѣйствительности». Правда, онъ касается моихъ положеній и по существу; но это—«съ единственной цѣлью предостеречь читателей отъ скоропалительнаго увлеченія подобными утопіями»; съ единственной цѣлью—достигнуть того, чтобы люди подобные мнѣ, «рѣже отвлекали нашу интеллигенцію отъ насущныхъ задачъ, къ которымъ зоветъ ее настоящая жизнь».

Я, съ своей стороны, не намѣренъ сейчасъ ни единымъ словомъ касаться тѣхъ положеній, которыя я защищалъ въ упомянутой статьѣ. Я «считаю своей нравственной обязанностью» нѣсколько комментировать *постановку* вопроса о «заоблачныхъ утопіяхъ» и «насущныхъ задачахъ настоящей жизни». Я не могу не сказати нѣсколько словъ по поводу того, какъ понимаетъ Огановскій, и какъ *слѣдуетъ* понимать его призывъ «съ небесъ на землю».

Нашъ почтенный авторъ свидѣтельствуетъ, что дѣло не въ моихъ «теоретическихъ построеніяхъ», а въ томъ печальномъ фактѣ, что интеллигенція интересуется вопросами, затронутыми мною. Но, какъ указано, передо мною стояли, во первыхъ, вопросъ общаго соціалистическаго міровоззрѣнія, а во вторыхъ, вопросъ соціалистической программы. И, вотъ, мнѣ крайне желательно уяснить себѣ, во-первыхъ, на какомъ основаніи эти вопросы размѣщаются Огановскимъ въ «заоблачныхъ высяхъ» и на «небесахъ», на огромныхъ дистанціяхъ отъ «скучной дѣйствительности» и «настоящей жизни»; и какой же именно «*земли*» противопоставляются эти «небеса». А во вторыхъ, на какомъ основаніи интересъ къ такого рода вопросамъ квалифицируется, какъ «отвлеченіе интеллигенціи отъ ея насущныхъ задачъ»; почему стремленіе разобраться въ такихъ вопросахъ объявляется дѣломъ пустымъ, вреднымъ и «внушающимъ серьезныя опасенія»...

«Заоблачныя утопіи» и прозираемыя «небеса» это—вопросы соціалистическаго міровоззрѣнія. «Насущныя же задачи» и «настоящая жизнь» это—«вопросы текущей аграрной политики»; это «творческая работа на мѣстахъ, въ разнородныхъ общественныхъ ячейкахъ», работа надъ цѣлой системой мѣропріятій, направленныхъ къ подъему производительныхъ силъ деревни и, главнымъ образомъ, къ интенсификаціи сельскаго хозяйства; въ эту систему мѣропріятій входитъ урегулированіе, упорядоченіе и насажденіе самыхъ разнообразныхъ факторовъ экономическаго прогресса. Огановскій «призываетъ» къ работѣ въ области кооперації, землеустройства, мобилизаціи надѣловъ, кредита, переселенія, меліораціи и т. под.; извѣстнымъ знатокомъ аграрнаго вопроса начертана самая широкая и весьма интересная программа «текущей аграрной политики». Осуществленіе этой программы и есть настоящая жизнь и насущная задача интеллигенціи; въ этой программѣ и есть та земля, на которую намъ надлежитъ спуститься, чтобы «не остаться за бортомъ». Призывъ «съ небесъ на землю» означаетъ: бросьте вопросы соціализма и работайте на мѣстахъ надъ улучшеніемъ сельскаго хозяйства.

Не правда ли, все совершенно ясно? Или, можетъ быть, не совсѣмъ? Можетъ быть, не ясно, въ какомъ отношеніи эта программа текущей аграрной политики находится къ соціализму, къ соціалистической дѣятельности и къ соціалистическимъ партіямъ? Можетъ быть, одно съ другимъ тѣсно связано? Можетъ быть, программа текущей аграрной политики призвана детализировать и конкретизировать соціалистическую программу? Можетъ быть, первая развивается Огановскимъ съ точки зрѣнія второй?—Нисколько. «Я смѣло борусь утверждать,—сообщаетъ нашъ авторъ,—что программа текущей аграрной политики можетъ разрабатываться и осуществляться, въ

значительной степени, самостоятельно, независимо отъ тѣхъ судебъ, которыя постигнутъ въ ближайшемъ будущемъ народническую программу». Да и кому же надлежитъ осуществлять программу текущей аграрной политики? «Намъ», или кому-нибудь другому? Да, намъ, говоритъ Огановскій... «если мы захотимъ работать; а не захотимъ—и безъ насъ обойдутся». Какимъ же образомъ? Очень просто: «центръ» будетъ давать «общія директивы, устанавливать нормы, распредѣлять ассигновки», а на мѣстахъ сосредоточится вся фактическая творческая работа» въ области «агрикультурныхъ и экономическихъ мѣропріятій—землеустройства, размѣщенія избыточнаго населенія, меліораціи, кооперативовъ и т. д.»... Теперь уже, кажется, все совершенно ясно. Итакъ, бросьте вопросы соціализма и осуществляйте директивы центра по части экономическаго преуспѣянія отечества. А то... и безъ васъ обойдутся.

Однако, sine ira—прежде всего sine ira et studio.

Когда говорятъ о «заоблачныхъ утопіяхъ» и всякаго рода «реальной политикѣ», то очень часто прибѣгаютъ къ фигуральному выраженію: небо и земля. Но при этомъ, естественно, подразумѣвается, что самые принципы и цѣли утопистовъ и реальныхъ политиковъ—одинъ и тѣ же. Подразумѣвается, что явленія, о которыхъ идетъ рѣчь, нормы, къ осуществленію которыхъ стремятся,—принадлежатъ къ одной логической категоріи и лежатъ въ одной плоскости. Есть, напр., соціализмъ—утопическій и научный. Есть, напр., способы осуществленія политической программы—фантастическіе и реальные. И когда призываютъ «съ небесъ на землю», то не можетъ (или не должно) возникать вопроса о цѣляхъ, а только о средствахъ, но о принципѣ, о цѣлесообразности. Говорятъ: спустись съ небесъ на землю, не сиди дома и не жди капиталиста съ милліономъ франковъ для

устройства соціалистическаго фаланстера, а организуй пролетаріатъ и пробуждай въ немъ классовое самосознаніе. Говорятъ: спустись съ небесъ на землю, оставь до поры до времени «неурѣзанные лозунги» и отстаивай «свободу коалицій». Не важно—есть ли у подобныхъ призывовъ фактическія основанія, но у нихъ есть своя логика.

Но, вотъ, призывалъ нѣкогда Писаревъ Щедрина: бросьте «цвѣты невиннаго юмора» и занимайтесь лучше естественными науками. Или призывалъ не такъ давно Петръ Струве: бросьте политику и сажайте капусту. Или дѣлаетъ Огановскій свой вышеописанный призывъ.— Не важно, серьезны ли всѣ эти призывы и о какихъ именно предметахъ говорятъ они. Но важно, что предметы эти относятся къ различнымъ логическимъ категоріямъ, лежатъ въ различныхъ плоскостяхъ. И никакой логики нѣтъ въ подобныхъ призывахъ. Ибо никого нельзя просто на просто «призывать» къ отрѣшенію отъ собственной личности. Нельзя говорить поэту: не будьте имъ, а будьте химикомъ. Нельзя говорить гражданину: перестаньте быть имъ, а будьте обывателемъ. Нельзя говорить соціалисту: оставьте соціализмъ и изыскивайте пути къ экономическому прогрессу въ буржуазномъ строѣ.

Необходимо, чтобы меня правильно поняли. Соціалисту свойственно, какъ и всякому другому, откликаться на призывы: курите папиросы «Кадо», слушайте симфоніи Бетховена, изучайте римское право. Тѣмъ болѣе свойственно соціалисту—откликаться на призывъ къ культурно-просвѣтительной работѣ и къ содѣйствію экономическому росту страны. Но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо отдавать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что все это—явленія и дѣла совсѣмъ иныхъ категорій, логически не связанныхъ съ соціалистической работой, какъ таковой. Все это можетъ быть только *вмѣстѣ* съ соціализмомъ,

но никакъ не *вмѣсто* него. Все это не должно ни въ какой мѣрѣ приводить на умъ фигуральное выраженіе: съ небесъ на землю. Курите папиросы, слушайте симфоніи; непремѣнно занимайтесь культурно-просвѣтительной дѣятельностью и содѣйствуйте экономическому прогрессу. Но... при чемъ тутъ: бросьте вопросы соціализма? Какъ это такъ «намъ» бросить ихъ для того дѣла, въ которомъ «и безъ насъ обойдутся»?.. Никакой логики нѣтъ въ такихъ призывахъ.

Но еще печальнѣе прозвучитъ для насъ призывъ Огановскаго, если мы признаемъ за нимъ какую-либо логику. «Бросьте политику и сажайте капусту». Если это тот г. Струве адресовано къ гражданамъ, то онъ нелогиченъ. Но если—къ обывателямъ, для которыхъ конституція и севрюжина съ хрѣномъ одинаково привлекательны? Тогда нельзя сказать, чтобы въ такомъ призывѣ не было смысла. Но тогда онъ общественно вреденъ и вполнѣ достоинъ той колокольни, съ которой раздается. «Оставьте разработку соціалистическихъ доктринъ и обслуживайте совершающійся экономическій подъемъ». Если этотъ призывъ адресованъ къ соціалистамъ, то онъ не имѣетъ смысла. Но если — къ интеллигенціи вообще, къ интеллигенціи, для которой «обновленіе деревни», землеустройство, переселеніе, агрикультура, меліораціи и т. д.—дѣйствительно, открываютъ огромное поле приложенія труда? На этомъ полѣ, принципіально не связанномъ ни съ соціализмомъ, ни съ демократизмомъ, интеллигенція можетъ проявить свои наличные идеалистическіе порывы, можетъ утолить свою наличную жажду труда, служенія добру и народу— независимо ни отъ соціалистической борьбы, ни отъ демократическихъ принциповъ. И тогда призывъ Огановскаго не есть безсмысленный, но есть вредный призывъ. И не ему бы такія рѣчи говорить, не намъ бы слушать. Призывъ его столь же вреденъ, сколь не новъ: гораздо

раньше, чѣмъ съ колокольни Струве, мы слышали его много разъ отъ всякаго рода глашатаевъ и пѣвцовъ «малыхъ дѣлъ» и «симпатичныхъ начинаній».

Но счастливой или несчастной но, во всякомъ случаѣ, очень характерной случайности, въ декабрьскомъ же номерѣ «Русской Мысли» за 1913-ый годъ появилась статья извѣстнаго кн. Е. Трубецкого: «Новая Земская Россія». Кн. Трубецкой трактуетъ, въ сущности, о тѣхъ же предметахъ, что и Огановскій. Но онъ не призываетъ «съ небесъ на землю». Онъ только констатируетъ съ чувствомъ глубочайшаго удовлетворенія, что интеллигентскія массы (не дожидаясь призыва Огановскаго) уже спустились съ моихъ «небесъ» къ его «землѣ». «Здѣсь мы имѣемъ,—пишетъ кн. Трубецкой,—едва ли не самое парадоксальное явленіе современной русской общественной жизни. Съ одной стороны, страхъ революціи вынуждаетъ правительство организовать деревню, для новой земледѣльческой культуры. Съ другой стороны въ силу непреодолимой логики вещей, главнымъ организаторомъ неизбѣжно является русскій интеллигентъ въ лицѣ «третьяго элемента», т. е. именно тотъ слой населенія, который съ правительственной точки зрѣнія долженъ былъ бы считаться наиболѣе опаснымъ. Третій элементъ хлынулъ въ деревню и, во исполненіе предначертаній правительства, дружно взялся за ея организацію; это интереснѣйшее изъ современныхъ знаменій времени».

Работа «на землѣ», какъ видимъ, уже давно идетъ на всѣхъ парахъ. И съ какими же общественными настроеніями, съ какими общественными тенденціями ведется эта работа? На этотъ счетъ даетъ интересныя разъясненія тотъ же кн. Трубецкой. Въ новой крестьянской общественности, доселѣ у насъ «невиданной и неслыханной», «крестьянская масса органически объеди-

ются вокругъ интеллигенціи, которая вноситъ въ нее организацію и знанія. Первое соприкосновеніе интеллигенціи съ широкими крестьянскими массами уже имѣло мѣсто въ 1905 году, но тогда оно имѣло совсѣмъ другой характеръ — разрушительный, а не созидательный. Тогда соединеніе происходило единственно въ цѣляхъ совмѣстнаго разрушенія старыхъ формъ жизни. Теперь, наоборотъ, совершается то, что въ 1905 г. казалось самымъ невозможнымъ—кооперативное движеніе происходитъ на почвѣ совмѣстной культурной «органической» работы интеллигенціи и массы и протекаетъ при благосклонномъ участіи правительства, которое финансируетъ это сближеніе». — Такъ обстоитъ дѣло de facto. Но развѣ нельзя «призвать» эту интеллигенцію къ тому, чтобы она, при воплощеніи въ жизнь программы «текущей аграрной политики», такъ или иначе проводила желательныя намъ тенденціи? Развѣ «обновленіе земледѣльческой Россіи» не имѣетъ къ нимъ никакого отношенія и не создастъ для этого никакихъ объективныхъ условій? Кн. Трубецкой даетъ разъясненія и на этотъ счетъ.

Назвался груздемъ, говоритъ онъ, полѣзай въ кузовъ. Современное движеніе «идетъ своимъ собственнымъ, быстрымъ и ровнымъ ходомъ, а крайнія лѣвыя тенденціи не только въ немъ не воплощаются, а даже прямо отметаются. Интеллигентъ въ деревнѣ становится невольнымъ орудіемъ процесса, совершенно не предусмотрѣннаго тѣми лѣвыми программами, которыя доселѣ высказывались». Процессъ этотъ «готовитъ крушеніе соціалистическимъ интеллигентскимъ утопіямъ» и, въ частности «пугачевско-есеровскимъ формамъ соціализма». Допустимъ, можно, спорить противъ того, что этотъ процессъ—кооперація, землеустройство, интенсификація, переселеніе, колонизація, меліораціи и т. п. — вступаетъ въ конфликтъ съ соціалистическими тенденціями. Но нельзя спорить противъ того,

что работа во всѣхъ этихъ областяхъ есть *нейтральная* работа, подобная всякой *культурной* работѣ — въ области народнаго образованія, медицины и въ другихъ областяхъ, обслуживаемыхъ, напр., земствами черезъ посредство «третьяго элемента». Отвлекать интеллигенцію къ такой работѣ отъ нашихъ непосредственныхъ задачъ— по меньшей мѣрѣ не наше дѣло. Противопоставлять эту культурно-экономическую работу непосредственнымъ задачамъ соціалистическаго движенія, какъ «настоящую жизнь» «заоблачнымъ утопіямъ»—найдется тьма охотниковъ во вражьемъ станѣ.

Въ результатѣ, если бы я сколько-нибудь вѣрилъ въ силу «призыва», то, принимая во вниманіе дѣйствительно огромный культурно-экономическій сдвигъ деревни; я обратился бы къ читателямъ «Завѣтовъ» совсѣмъ съ иными рѣчами. Ибо новое огромное поприще общественно полезнаго труда грозитъ поглотить безъ остатка всю энергію, все вниманіе и всю рабочую силу интеллигентскихъ массъ; грозитъ заслонить отъ нихъ истинные и непосредственные пути служенія народу и правдѣ-справедливости. Конечно, для «насъ» въ тѣсномъ смыслѣ это не страшно и не опасно; люди, достаточно убѣжденные и испытанные, всегда сумѣютъ наряду съ культурной работой служить своимъ непосредственнымъ задачамъ; а въ частности, свою «организаторскую» работу въ деревнѣ они сумѣютъ, насколько возможно, одухотворить своими идеями и идеалами. Но не то съ интеллигентской массой, которая ищетъ не только поприща общественно-полезной работы, но и линіи наименьшаго сопротивленія... Я не вѣрю въ силу призывовъ, но я «считаю своей нравственной обязанностью» выразить мое горячее пожеланіе: откликнутся интеллигентскія массы на призывъ Огановскаго или нѣтъ, но пусть онѣ твердо знаютъ, пусть онѣ отдаютъ себѣ совершенно ясный отчетъ, что за «небеса» предлагаютъ

имъ покинуть и на какую «землю» спуститься. Пусть проявятъ величайшую осторожность и осмотрительность; пусть взвѣсятъ и разсудятъ со всѣхъ сторонъ, подходящее ли это дѣло. Ибо, если интеллигентскія массы оторвутся отъ соціалистической идеологіи и хлынутъ въ деревню для культурно экономической работы, то по-сѣянное Огановскимъ пожнетъ кн. Трубецкой изъ «Русской Мысли».

Съ Огановскимъ мы стали бы спорить по существу, если бы онъ поставилъ вопросъ совершенно иначе. Если бы онъ сказалъ, обращаясь къ «намъ» въ тѣсномъ смыслѣ: спуститесь «съ небесъ на землю», бросьте идеологію, сейчасъ не время для теоретическихъ споровъ и для разработки абстрактныхъ схемъ; практическая жизнь, условія момента выдвигаютъ неотложныя задачи въ области практической борьбы; необходима немедленная мобилизація всѣхъ соціалистическихъ силъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ имѣются; иначе моментъ будетъ упущенъ, и мы окажемся «въ нѣтѣхъ» передъ лицомъ соціалистическаго движенія.

Такая постановка вопроса, во-первыхъ, вполнѣ удовлетворяла бы требованіямъ логики. А во-вторыхъ, тѣмъ самымъ она гарантировала бы намъ, что мы съ Огановскимъ говоримъ на одномъ языкѣ, что мы не споримъ о принципахъ и цѣляхъ, а только объ очередныхъ задачахъ. Мы стали бы спорить по существу. Но, къ сожалѣнію, это не значитъ, что мы пришли бы къ соглашенію. Вотъ тутъ мы и подошли ко второму изъ вопросовъ, поставленныхъ вначалѣ; дѣйствительно ли должны «внушать серьезныя опасенія», дѣйствительно ли печаленъ и нежелателенъ тотъ фактъ, что наша интеллигенція «проявляетъ страстный интересъ» къ вопросамъ соціалистической теоріи? Или этотъ фактъ не заключаетъ

въ себѣ ничего опаснаго и нежелательнаго? Или же заниматься такого рода вопросами желательно, полезно, необходимо?..

Я полагаю, что вопросъ этотъ надо рѣшать именно въ послѣднемъ смыслѣ. Говорить объ этомъ сколько-нибудь подробно я не имѣю въ виду въ моей репликѣ «къ порядку». Но можно ли не отмѣтить по такому прекрасному поводу, данному Огановскимъ, что соціалистическая мысль переживаетъ сейчасъ одинъ изъ самыхъ острыхъ въ своей исторіи періодовъ *самоопредѣленія*? Смѣшеніе направленскихъ картъ приходилось отмѣчать (на страницахъ «Завѣтовъ» же) и самому Огановскому. Хаосъ переплетающихся мнѣній изъ разныхъ лагерей, защита лозунговъ, еще вчера считавшихся чужими, несоотвѣтствіе новыхъ жизненныхъ понятій старой терминологіи—все это бросается въ глаза не только участникамъ движенія, но и сторонникъ наблюдателямъ. Взять среди послѣднихъ хотя бы того же кн. Евг. Трубецкого. «Изъ лавочекъ лѣвѣе кадетовъ я не потребляю и лавочками не интересуюсь»,—писалъ этотъ почтенный дѣятель въ одной изъ своихъ статей нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на зарѣ военно-полевого курса. Но вотъ что нынѣ замѣтилъ онъ на аренѣ нашей общественности. «Я не сомнѣваюсь,—пишетъ онъ въ уже цитированной статьѣ — что теперь, какъ и прежде, у насъ много соціалъ-демократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ; но каково то содержаніе, которое соотвѣтствуетъ этимъ ярлыкамъ въ настоящее время, этого мы въ точности не знаемъ и знать не можемъ, такъ какъ новая идеологія еще находится въ процессѣ образованія и окончательно еще не утвердилась. Едва ли она, однако, останется прежней. Повидимому, въ психикѣ современнаго русскаго интеллигента происходятъ глубокія почвенныя измѣненія»... Дѣйствительно и самая психологія и новое колоссальное развитіе знаній

въ области народно-хозяйственной жизни, и глубокія измѣненія во внѣшнихъ условіяхъ соціалистической работы—безпощадно ломаютъ, если не основы старыхъ историко-философскихъ направленій, то старыя практическія группировки. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите, напримѣръ, на современное практическое народничество, уже давно забывшее двухъ изъ своихъ экономическихъ китовъ (артель и кустарные промыслы), а теперь готовое какъ ни въ чемъ не бывало, на прежнихъ основаніяхъ, работать и безъ послѣдняго погибающаго кита (общины). Посмотрите на народничество, въ средѣ котораго раздаются голоса объ упраздненіи «изжитаго» лозунга «земля и воля»—въ виду того, что сама экономическая эволюція и колоссальное перетеканіе земли отъ капитала къ труду уже въ огромной степени выполнили практическую часть народнической аграрной программы. Посмотрите на «народниковъ», озабоченныхъ созданіемъ свободы мобилизаціи надѣльныхъ земель и изыскивающихъ раціональныя формы залога надѣловъ...

Посмотрите и на марксистовъ, защищающихъ «изъ тактическихъ соображеній» лозунгъ «земля и воля» въ интересахъ крестьянства и пролетаріата. Посмотрите на марксистовъ, заявляющихъ устами «меньшевитскаго» лидера, что «наиболѣе вѣрнымъ и безболѣзненнымъ и наиболѣе выгоднымъ для культурнаго развитія, вопреки сказкамъ о культурной миссіи русскаго крупнаго землевладѣнія, остается переходъ помѣщичьей земли изъ рукъ ея нынѣшнихъ владѣльцевъ народу». Посмотрите на марксистовъ-«большевиковъ», полагающихъ что «тамъ въ далекой русской деревнѣ, занесенной снѣжными сугробами, отрѣзанной отъ центровъ политической жизни, тамъ поистинѣ рѣшается важнѣйшій вопросъ политической жизни Россіи въ ближайшую эпоху».

И марксизмъ, и народничество очень широко ухи-

нулись слѣва направо. И тѣ, и другія группы спорятъ между собою, и по частнымъ, и по общимъ вопросамъ программы и тактики. Но всѣмъ этимъ вопросамъ онѣ сходятся, расходятся и переплетаются между собою самымъ прихотливымъ и неожиданнымъ образомъ. И въ частности, въ лексиконѣ оскорбительныхъ словъ, употребляемыхъ въ полемикѣ «марксистами», едва ли не самое почетное мѣсто занимаетъ терминъ «не-марксистъ»; этимъ комплиментомъ марксисткія группы надѣляютъ другъ друга взаимно. И нужна ли лучшая демонстрація полной безсодержательности понятія «марксизмъ» примѣнительно къ тому или иному изъ теченій россійскаго соціализма, какъ дѣйствующей, создающей и разрушающей силы?

Большая часть того, что было нѣкогда Марксизмомъ, стала общесоціалистической истиной. Не меньшая часть «Народничества» вошла въ современную практику Марксизма.

Старыя понятія и старая терминологія изжиты. Въ «скучной дѣйствительности» намѣтились и создались новыя группировки. Дѣло идеологіи ихъ отыскать, понять, квалифицировать и связать съ новыми понятіями и съ новой терминологіей... Можно ли и должно ли печаловаться о томъ, что наша интеллигенція интересуется вопросами теоріи въ этотъ моментъ хаоса и самоопредѣленія? Можетъ ли и долженъ ли «внушать опасенія» этотъ интересъ?

Трудно, конечно, спорить о вкусахъ. Трудно спорить о томъ, кто лучше и нужнѣе, соціалистъ или агрономъ. Но все же я скажу, что интересоваться и заниматься вопросами идеологіи мы—не «можемъ», не «въ правѣ», не «должны», а *обязаны*.

И даже откладывать эту «насущную задачу», мы *не въ правѣ*. Вспомнимъ о политическомъ моментѣ.

«Темная ночь» давно прошла. Не то должно внушать серьезныя опасенія, что интеллигенція интересуется теоретическими проблемами. Внушаетъ опасенія то, что интересъ этотъ не охватываетъ достаточно широкихъ круговъ, что одна часть интеллигенціи отвлечена въ «текущую аграрную» и тому подобную «политику», а другая часть недостаточно спѣшитъ зажечь свои свѣтильники. И мы рискуемъ, если не «очутиться за бортомъ», то не познать ни самихъ себя, ни своя своихъ, когда «придетъ настоящій день». Мы рискуемъ тогда открыть погоню за вывѣсками вмѣсто «насущныхъ задачъ». Мы рискуемъ сгруппироваться по вывѣскамъ и словамъ и распылиться по содержанію и дѣлу. Мы рискуемъ оказаться виновными и не заслуживающими снисхожденія передъ судомъ исторіи... Мы *обязаны* самоопредѣляться, выбираться изъ теоретическаго безпорядка, заниматься вплотную кристаллизаціей нашего міровоззрѣнія.

Я не вѣрю въ силу призывовъ. Но это горячее пожеланіе я хотѣлъ бы высказать читателямъ «Завѣтовъ» къ новому году.

Ник. Суханов.

Проблемы аграрной теоріи и политики *)

(Отвѣтъ Ник. Ник. Гиммеру-Суханову) **).

За три послѣднихъ мѣсяца въ печати появилось цѣлыхъ три статьи Ник. Ник-ча Гиммера-Суханова, направленныхъ противъ выставленныхъ мной въ моихъ послѣднихъ работахъ основныхъ положеній аграрной теоріи и политики. Двѣ изъ этихъ статей—«Къ разработкѣ аграрной теоріи» (Агроном. журналъ № № 8—10) и «Техника и экономика въ сельскомъ хозяйствѣ» (Завѣты № II) касаются теоретическихъ проблемъ аграрнаго вопроса, третья,—«Кесарево кесареви»—затрагиваетъ, хотя, надо сознаться, въ слишомъ легковѣсномъ, игриво-фельетонномъ изложеніи тѣ коренные вопросы не только аграрной, но и вообще соціальной политики, которые становятся сейчасъ въ фокусѣ общественнаго вниманія. Говоря откровенно, я противъ обремененія нашихъ «толстыхъ» общихъ журналовъ теоретическими статьями: для широкой публики вопросы чистой теоріи скучны, детальному *научному* анализу въ общихъ журналахъ, за недостаткомъ мѣста, они подвергнуты быть не могутъ, а безъ такого анализа, наши словопренія теряютъ едва ли не 90% своей цѣнности. Поэтому, я лично считалъ бы гораздо болѣе цѣлесообразнымъ перенести «наши разногласія» въ теоріи въ другое мѣсто, и, во всякомъ случаѣ, статьи Ник. Ник-ча въ «Агрономич. журналѣ»,

*) Статья эта должна была появиться въ „Завѣтахъ“ въ августѣ 1914 г.: но за закрытіемъ журнала, осталась ненапечатаной.

**) Статья Н. Н. Гиммера напечатанная выше, появилась въ „Завѣтахъ“ въ январѣ 1914 г.

носящей спеціальный характеръ, *здѣсь* я не коснусь. Но сжатый до послѣдней возможности, отвѣтъ на взгляды, высказанные Ник. Ник-чемъ въ его теоретической статьѣ въ «Завѣтахъ» мнѣ кажется необходимымъ, т. к. онъ покажетъ читателямъ, что между проблемами аграрной теоріи и политики существуетъ тѣсная логическая связь.

I.

Монизмъ и дуализмъ въ аграрной теоріи.

Народники могутъ пока поздравить себя съ одной побѣдой: со всеобщимъ признаніемъ жизнеспособности и прогрессивности трудовыхъ хозяйствъ въ земледѣліи Тотъ фактъ, надъ доказательствомъ котораго мы трудились много лѣтъ—что аграрная эволюція и эволюція индустріи идутъ въ противоположномъ направленіи—первая въ сторону *дробленія*, вторая—въ сторону *концентраціи* производства, считается теперь и западно-европейской соціалъ-демократіей твердо установленнымъ. Но западно-европейскіе соціалъ-демократы для объясненія этого факта, прибѣгаютъ къ той самой теоріи, которую пять лѣтъ тому назадъ выставилъ у насъ Ник. Ник. Гиммеръ-Сухановъ въ своей книгѣ «къ вопросу объ эволюціи сельскаго хозяйства». Теорія эта очень проста и изложена въ двухъ словахъ въ статьѣ Сталинскаго «Аграрный вопросъ въ современномъ соціализмѣ» (Русс. Бог.» 1913 г. №№ 11—12). «*Городская индустрія* съ ея кипучей дѣятельностью, съ ея колоссальными и быстрыми денежными оборотами и большими прибылями, съ ея громадными и сложными акціонерными организаціями, притягиваюцими, какъ магнитъ, свободные капиталы и сбереженія, бьетъ земледѣльческій капитализмъ съ двухъ сторонъ: она отнимаетъ у него *рабочія руки*, лишаетъ его рабочей силы и въ то же время отвлекаетъ отъ него

капиталы. Вотъ почему не только въ Европѣ но и въ Америкѣ замѣчается теперь одно и то же явленіе: чѣмъ болѣе и сильнѣе развивается индустріальный капитализмъ, тѣмъ скорѣе задерживается ростъ крупнаго земледѣльческаго хозяйства». Короче говоря, индустріализація страны отнимаетъ у земледѣльческаго капитализма *голову*— денежныя средства и *ноги*—наемный трудъ.

Странно, конечно, что Ник. Ник. Гиммеръ—одинъ изъ первыхъ апологетовъ этой теоріи пытался обосновать ее на Россіи,—менѣе другихъ европейскихъ странъ индустріализованной. Эта странность объясняется, какъ мнѣ кажется, приверженностью автора къ марксистской идеологіи, отличительная черта которой, какъ извѣстно, состоитъ въ *монизмѣ*— стремленіи подвести всѣ эти экономическія явленія подъ одинъ общій принципъ, единое начало. И въ данномъ случаѣ Н. Н. Гиммеръ и западные соціалъ-демократы стремятся объяснить указанное коренное отличіе аграрной эволюціи отъ эволюціи индустріи не какими либо самодовлѣющими особенностями сельско-хозяйственнаго производства, а все тѣмъ же единымъ началомъ индустріализаціи. Для нихъ тысячелѣтняя аграрная исторія, протекшая до начала эры индустріализма—бѣлая страничка. Исторія начинается съ того момента, какъ индустріализованный капитализмъ принимается рубить голову и ноги у своего брата—капитализма земледѣльческаго.

Но монистическіе идеологи рѣдко считаются съ фактами. Въ своихъ работахъ я уже трижды указывалъ, на несоотвѣтствіе этой теоріи, прежде всего, факту *большаго* распространенія земледѣльческаго капитализма въ странахъ индустріализованныхъ. Въ наиболѣе индустріализованной странѣ Европы—Англіи земледѣльческій капитализмъ болѣе развитъ, чѣмъ въ Германіи, въ Германіи—больше чѣмъ въ Россіи. Это положеніе касается

статики разсматриваемаго вопроса. Изучая *динамическіе* процессы перемѣщенія хозяйственныхъ группъ по послѣднимъ экономическихъ переписямъ въ Европѣ, мы видимъ, что во 1-хъ дробленіе крупно-капиталистическихъ хозяйствъ происходитъ рѣшительно во всѣхъ странахъ—и въ индустріализованныхъ и въ такихъ, какъ Россія; во 2-хъ, что въ мало индустріализованной Россіи *темпъ* дробленія гораздо энергичнѣе, чѣмъ въ Германіи, или въ Великобританіи. Въ Россіи (1877—905 г. г.) относительное количество крупныхъ владѣній (свыше 200 дес.) сократилось на 22%, количество крупныхъ хозяйствъ—конечно гораздо больше, а въ Германіи (1882—907 г.) соотвѣтственная группа хозяйствъ свыше 100 гект. упала всего на 9,1%, въ Великобританіи (1885—908 г. г. группа свыше 120 гектаровъ)—только на 5,4%. Въ противоположность теоріи Ник. Ник. Гиммера, чѣмъ индустріализованнѣе страна, тѣмъ *медленнѣе* происходитъ процессъ дробленія крупныхъ хозяйствъ. То же самое можно наблюдать и по отдѣльнымъ областямъ внутри каждаго государства. Въ промышленной Баваріи и Саксоніи за 25 лѣтъ площадь крупныхъ хозяйствъ сократилась на 4%, а въ менѣе индустріализованной Пруссіи—на 11%, въ Россіи (группа свыше 1000 дес.)—въ Московскомъ раіонѣ за 28 лѣтъ до 1905 г. на 12,1%, а въ среднемъ Поволожьи—на 14,3%, въ Заволжьи—на 15,6% и т. д.

Конечно, я не думаю отрицать того несомнѣннаго факта, что развитіе промышленности отнимаетъ рабочія руки отъ земледѣлія. 600 тысячъ батраковъ, направляющихся ежегодно изъ Россіи въ Пруссію—уже достаточно подтверждаютъ его существованіе. Но изъ наличности этого факта никакъ нельзя сдѣлать того вывода, который дѣлаютъ марксисты, что онъ имѣетъ *рѣшающее* значеніе для наблюдаемаго процесса аграрной эволюціи.

Этотъ процессъ зависитъ не отъ одного, а отъ *многихъ* факторовъ—въ экономическихъ процессахъ вообще царитъ законъ множественности причинъ и слѣдствій, и какъ показываетъ нашъ коротенькій провѣрочный анализъ, факторъ, выдаваемый марксистами за первостепенный, не всегда можетъ побороть вліянія *противоположныхъ* факторовъ, порождаемыхъ, между прочимъ, той же индустріализаціей.

Значительно сложнѣе обстоитъ дѣло съ вопросомъ о капиталѣ. Индустріализація, несомнѣнно, расширяетъ рынки для сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, поднимаетъ на нихъ цѣны, а это приводитъ къ притоку капиталовъ изъ городовъ въ деревни. Теперь, сельскіе хозяева въ совокупности—мелкіе и крупные получаютъ отъ города *больше*, чѣмъ ему даютъ—иначе интенсивное земледѣліе, основанное на огромныхъ затратахъ капитала, вкладываемаго въ землю и въ ея обработку, было бы невозможно. Но въ руки *какихъ* именно хозяевъ,—капиталистическихъ или трудовыхъ попадаетъ капиталъ, притекающій изъ города? Большая и притомъ все растущая часть—несомнѣнно, въ руки трудовыхъ: но и капиталистическое земледѣліе, за послѣдніе годы, кое-чѣмъ пользуется отъ города. Это, вѣроятно, одна изъ причинъ замедленнаго паденія крупнаго хозяйства въ болѣе индустріализованныхъ странахъ и раіонахъ. Во всякомъ случаѣ, утверждать категорически, что индустріализованный капитализмъ отнимаетъ капиталы у земледѣльческаго—теперь уже нельзя. Этотъ вопросъ долженъ быть подвергнутъ детальному пересмотру, въ связи съ измѣненіемъ конъюнктуры рынка сельско-хозяйственныхъ продуктовъ.

Съ другой стороны, хотя городъ отнимаетъ у помѣщиковъ дешевыя рабочія руки, но онъ же отводитъ отъ нихъ болѣе серьезную опасность: онъ смягчаетъ напоръ

избыточнаго деревенскаго населенія, жадно хватающагося за каждый клочекъ земли, напоръ, которому болѣе слабый въ хозяйственномъ отношеніи, земледѣльческій капитализмъ противостоять не можетъ и быстро теряетъ захваченныя его предкомъ—феодализмомъ—отцовскія наслѣдія—громадныя пространства земель. Вотъ почему, нигдѣ такъ быстро не ликвидируется крупнопомѣстное землевладѣніе, какъ въ отсталой, перепесенной и оскудѣлой Россіи вотъ почему, наоборотъ, въ богатой промышленной Англіи великолѣпные аграрные законы, имѣющіе цѣлью возстановить мелкое трудовое хозяйство, даютъ, до сихъ поръ, такіе ничтожные результаты. И взвѣшивая всѣ pro и contra вліяніе индустріализаціи, всякій объективный изслѣдователь долженъ признать, что, силонь и рядомъ положительное вліяніе этого фактора на земледѣльческій капитализмъ далеко перевѣшиваетъ вліяніе отрицательное.

Пойдемъ далѣе. Чѣмъ объясняетъ Н. Н. Гиммеръ отрицательное вліяніе индустріализаціи? Низкимъ уровнемъ доходности сельскаго хозяйства. Въ промышленности, обычно, предпринимательская прибыль и заработная плата выше—это основная причина перетеканія капиталовъ и рабочихъ въ индустрію. Это явленіе г. Гиммеръ объясняетъ «фактомъ или закономъ убывающаго плодородія почвы». Законъ убывающаго плодородія является фундаментомъ всей его теоріи—вотъ почему онъ неизмѣнно и упорно возвращается къ нему во всякой своей работѣ. Я не буду удручать читателей анализомъ самаго «факта», ибо въ русскихъ условіяхъ, этотъ вопросъ имѣетъ чисто академическое значеніе. Ни Н. Н. Гиммеръ, ни П. Масловъ, ни какой либо другой его сторонникъ не посмѣютъ отрицать того, что интенсификація сельскаго хозяйства, сама по себѣ, ведущая, по ихъ убѣжденію, къ паденію производительности труда, не только неиз-

бѣжна и желательна для Россіи, но она представляетъ единственное средство поднять эту самую производительность труда, такую низкую, сравнительно съ западно-европейской, гдѣ царитъ интенсивный плодосмѣнный сѣво-оборотъ. *) Поэтому, оставляя въ сторонѣ вопросъ о существованіи самаго «факта», я остановлюсь на признаніи Н. Гиммеромъ зависимости его отъ *техническихъ* особенностей с. хоз. производства. Онъ соглашается съ тѣмъ, что «паденіе производительности затратъ при интенсификаціи, зависитъ отъ техническихъ причинъ»... Онъ идетъ еще дальше, говоря, что «вліяніе техники... надо считать *тормозящимъ* не только для всей экономической эволюціи, но и для развитія соціальныхъ отношеній... Техника можетъ обусловливать концентрацію производства, организацію его въ коллективно-крупныхъ размѣрахъ, или же можетъ оставлять его въ мелко-разрозненномъ видѣ; техника же можетъ лежать въ основѣ организаціи производства въ тѣхъ или иныхъ соціальныхъ формахъ, въ капиталистическихъ или въ трудовыхъ. Другими словами, *техническое строеніе производства опредѣляетъ формы эволюціи отдѣльныхъ отраслей хозяйства. Не что иное, какъ особенности земледѣльческой техники,*

*) По существу, я позволю себѣ здѣсь сдѣлать одно маленькое замѣчаніе спеціально для Ник. Ник-ча. Главное доказательство „факта" онъ видитъ *въ подъемѣ цѣнъ* на с. хоз. продукты „Во всѣхъ интенсивныхъ странахъ и районахъ цѣны болѣе высоки, чѣмъ въ экстенсивныхъ" (см. „Техника и экономика въ сельскомъ хозяйствѣ" Завѣты № II) напр. скажемъ, въ интенсивной Германіи цѣны выше, чѣмъ въ экстенсивной Россіи. Совершенно вѣрно: но я убѣжденъ, что самъ Ник. Ник. не будетъ отрицать, что въ Германіи *производительность труда* въ сельск. хоз. стоитъ выше, чѣмъ въ Россіи. Слѣдовательно, рыночныя цѣны *не всегда могутъ служить мѣриломъ производительности труда.* И Каутскій, отвергающій вліяніе „факта" убывающаго плодородія на современное вздорожаніе жизни въ Европѣ и Америкѣ и считающій первопричиной его—монопольный характеръ частной земельной собственности, по моему гораздо, ближе къ истинѣ. (См. также Н. А. Пажитновъ. Современная дороговизна на западѣ и въ Россіи).

лежатъ въ основѣ своеобразныхъ формъ аграрной эволюціи. («Завѣты» 1913 г. № 11).

Вотъ мы и договорились до сути. Техническія условія производства, совершенно иныя, по своей природѣ, въ индустріи и сельскомъ хозяйствѣ порождаютъ діаметрально-противоположные *экономическіе и соціальные* процессы эволюціи обѣихъ отраслей промышленности: въ первой—*концентрацію*, во второй—*дробленіе* хозяйствъ. И, оставаясь въ предѣлахъ чисто *экономической* оцѣнки техническихъ факторовъ (слышите Ник. Ник.!), мы должны признать *дуализмъ* экономическихъ законовъ, управляющихъ той или другой отраслью.

Привѣтствуя это весьма цѣнное для меня признаніе моего постояннаго противника въ области аграрной теоріи, я долженъ указать, что къ сожалѣнію, онъ не провелъ этотъ принципъ до конца и въ своихъ построеніяхъ, остался, до сихъ поръ на старой монистической точкѣ зрѣнія, внося въ сельско-хозяйственную экономію принципы и понятія, почерпнутыя изъ чуждой ей сферы экономіи индустріи. Этотъ *индустріализмъ*, который онъ противопоставляетъ моему «агрономизму», какъ доподлинно экономическое пониманіе сущности процессовъ с.-хозяйственнаго производства, сказывается, главнымъ образомъ, на стремленіи отождествить функціи природы въ сельскомъ хозяйствѣ съ машиннымъ производствомъ въ индустріи. Несмотря на признаніе «органичности» с. хозяйства, въ которой мы оба видимъ коренное отличіе его отъ индустріи, авторъ не можетъ отрѣшиться отъ своихъ механистическихъ воззрѣній и оцѣниваетъ природу, только какъ машину, послушно выполняющую велѣнія управляющаго ею человѣка. Отрицая за природой способность оказывать самостоятельное вліяніе на производство экономическихъ благъ, онъ признаетъ производительнымъ только *человѣческій трудъ*.

Мы оба, конечно, понимаемъ, что въ дѣйствительности продукты производства въ индустріи создаются совмѣстной работой человѣка и машины, въ сельскомъ хозяйствѣ, — человѣка, машины и другихъ орудій и, наконецъ, природы. Въ индустріи и сельскомъ хозяйствѣ экономистъ имѣетъ право откинуть производительную роль машинъ и другихъ орудій—ибо это—*постоянный* факторъ производительности. Машина, при одинаковыхъ затратахъ человѣческаго труда, всегда даетъ одни и тѣ-же результаты. Но въ сельскомъ хозяйствѣ природа является *перемѣннымъ* факторомъ производительности, и эта именно перемѣнность творческой дѣятельности природы заставляетъ насъ, сторонниковъ «дуалистическаго» направленія въ сельско-хозяйственной экономіи признавать за ней извѣстное самостоятельное значеніе. Перемѣнность эта сказывается и въ *пространствѣ* и во *времени:* если въ одномъ мѣстѣ часовой трудъ человѣка, при совершенно одинаковыхъ прочихъ условіяхъ, даетъ, скажемъ, въ результатѣ, одинъ пудъ зерна, то въ другомъ мѣстѣ—10; въ одномъ году—5 пудовъ, въ другомъ—$^1/_2$ пуда; наконецъ—при одной системѣ хозяйства—3 пуда, при другой—одинъ. Перемѣнность производительности природы или точнѣе земли въ пространствѣ заставила экономистовъ внести въ теоретическую экономію поправку въ видѣ теоріи дифференціальной ренты, во времени—пресловутый законъ убывающаго плодородія. Но эти поправки, если даже согласиться съ ними по существу, не покрываютъ всѣхъ особенностей сельско-хозяйственнаго производства, ибо въ нихъ не принято въ соображеніе еще одно существенное отличіе сельскаго хозяйства отъ индустріи—несоздаваемость и неуничтожаемость главнаго средства сельско-хозяйственнаго производства—*земли.* Въ индустріи, послѣ того какъ машина окончательно износилась, ее выбрасываютъ вонъ—замѣ-

ляетъ другой. Землю нельзя выбросить: человѣку приходится постоянно чинить испорченную имъ самимъ «машину» — природу — возстанавливать и развивать разрушенное раньше естественное плодородіе почвы.

И вотъ въ силу того факта, что то или иное колеблющееся состояніе производительности земли постоянно отражается на производительности человѣческаго труда, производя и въ ней колебательныя движенія, а также, слѣдствіе несоздаваемости и неуничтожаемости главнаго средства производства — земли, основной постулатъ аграрной эволюціи — развитіе производительныхъ силъ становится зависимымъ не только отъ производительности человѣческаго *труда*, но и отъ производительности *земли*. Только *одновременное гармоническое развитіе производительности земли и труда* создаетъ устойчивое развитіе производительныхъ силъ въ сельскомъ хозяйствѣ.

До сихъ поръ отвлеченная теорія мало связывалась съ основными проблемами аграрной *политики*. Каждая изъ нихъ жила «сама по себѣ». Но никто иной, какъ Ник. Ник. Гиммеръ, въ послѣдней своей статьѣ, необычайно выпукло освѣтилъ эту связь, — что и заставило меня произвести теоретическую экскурсію. Признавая производительнымъ только человѣческій трудъ, которъ измѣряетъ уровень этой производительности разницей между издержками и доходами — затратами и получками хозяйствующаго субъекта. «Сельско-хозяйственная дѣятельность вращается между человѣческими *затратами и получками*, составляющими цѣль производства». Чѣмъ меньше затратъ, чѣмъ больше получекъ, тѣмъ сельско-хозяйственная дѣятельность, по мнѣнію Ник. Ник., производительнѣе. Эта — личная, *частнохозяйственная* точка зрѣнія, въ сельскомъ хозяйствѣ,

силою и рядомъ антагонизируетъ съ *народно-хозяйственными* интересами. Чтобы сдѣлать наглядным этотъ антагонизмъ, приведу, въ видѣ иллюстраціи, один эпизодъ изъ современной правительственной аграрно политики. Въ Сибири переселенческое вѣдомство нар застъ теперь имѣнія для крупно-капиталистическа «культурнаго» овцеводства и коневодства. Подъ э имѣнья отводятся земли, пригодныя для хлѣбопашест расположенныя въ благопріятныхъ по климату и нас ленныхъ раіонахъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что быт ненные сельско-хозяйственнымъ прогрессомъ изъ пред ловъ Европейской Россіи, кубанскіе, донскіе, тавр ческіе овцеводы, которые скупаютъ и арендуютъ так имѣнья, будутъ затрачивать меньше и получать больш чѣмъ на прежнихъ мѣстахъ. «Производительность труда у нихъ возрастетъ — съ частно-хозяйственной точк зрѣнія «культурное овцеводство» будетъ весьма проду тивнымъ. Но я отстаивалъ въ газетахъ и журналах иную точку зрѣнія: я доказывалъ, что эти земли нужн переселенцамъ, что въ Сибири удобныхъ земель мал что западная Сибирь уже опередила стадію экстесивна скотоводства, а потому въ *народно-хозяйственны* интересахъ гораздо выгоднѣе, если эти 700 тыс. дес нарѣзанныхъ для «культурныхъ» овцеводовъ, перейдут къ сотнямъ тысячъ некультурныхъ трудовыхъ земл дѣльцевъ, которые, вложивъ въ эту площадь, быть мо жетъ вдесятеро больше труда и капитала, создадут впятеро больше хлѣба и мяса. Съ точки зрѣнія *всег народнаго хозяйства Россіи* важнѣе получить с единицы площади больше продуктовъ, т. е. развит производительность земли, хотя бы это развитіе и сопро вождалось пониженіемъ продуктивности человѣческа труда. Иными словами, въ приходо-расходномъ балан каждаго отдѣльнаго предпріятія, для народнаго хозяйст

важнѣе всего—*валовой доходъ*, для каждаго отдѣльнаго предпріятія—*чистая прибыль*.

Задача раціональной аграрной политики состоитъ въ томъ, чтобы привести въ гармонію *частно-хозяйственные* и *народно-хозяйственные интересы*, совмѣстить *повышеніе прибыльности* съ подъемомъ валовой доходности, иначе говоря—*производительность труда съ производительностью земли*. Въ приведенномъ сейчасъ примѣрѣ, затраты труда крестьянъ—переселенцевъ будутъ вдвое менѣе продуктивными, чѣмъ у капиталистовъ-овцеводовъ. Это ненормально и вредитъ тѣмъ же самымъ крестьянамъ, какъ частнымъ хозяевамъ. И мы знаемъ, что и въ дѣйствительности, теперь въ Россіи—еще недавно въ Западной Европѣ, производительность труда въ мелкомъ хозяйствѣ стояла ниже, чѣмъ въ крупномъ, что и создавало низкій уровень крестьянскаго благостоянія, дѣлало крестьянина невѣжественнымъ, несчастнымъ паріемъ, жалкимъ рабомъ насущнаго куска хлѣба. Частно-хозяйственные интересы крестьянъ, пока они являются индивидуальными хозяевами, должны быть соблюдены, производительность ихъ труда должна быть повышена, но лишь при посредствѣ увеличенія ихъ *валового дохода*, т. е. при помощи развитія производительности земли, достигаемаго интенсификаціей производства. Какъ совершенно вѣрно указывалъ И. Нажитновъ 10 лѣтъ назадъ, и въ прогрессирующей индустріи, уровень прибыльности понижается, но, благодаря громадному увеличенію капиталовъ, вкладываемыхъ въ дѣло, валовой доходъ подымается высоко и *сумма* прибыли, приходящаяся на каждаго участника производства, систематически возрастаетъ. То же самое происходитъ и при раціональной интенсификаціи, требующей вложенія въ землю большихъ капиталовъ и, въ конечномъ счетѣ, какъ видно изъ примѣра Западной

Европы, повышающей производительность труда всѣхъ сельскихъ работниковъ *).

Трудовое хозяйство, разъ только оно снабжено капиталами и знаніями, гораздо болѣе приспособлено къ гармоническому развитію производительныхъ силъ, чѣмъ капиталистическое, главнымъ образомъ потому, что оно способно поднять выше уровень производительности земли. Въ многолѣтней полемикѣ о преимуществахъ мелкаго и крупнаго хозяйства, всѣ преимущества того и другого были болѣе или менѣе точно взвѣшены и оцѣнены; послѣ того, какъ жаръ первой полемики остылъ, можно сознаться, что, при объективной оцѣнкѣ, они не такъ ужъ существенны, если разсматривать ихъ независимо отъ реальныхъ условій мѣста и времени и исключить крайности того и другого типа (латифундіи и парцеллы). Условія культуры и техники въ сельскомъ хозяйствѣ таковы, что онѣ приложимы, въ разныхъ комбинаціяхъ, къ хозяйствамъ различныхъ размѣровъ (въ мелкихъ— при посредствѣ кооперацій); передъ рынкомъ и мелкое и крупное хозяйство одинаково правоспособны, т. к. и то и другое можетъ производить одни и тѣ же продукты. Поэтому, если предположить одинаковую ступень культурности, обезпеченности капиталами и трудомъ въ различныхъ по величинѣ хозяйствахъ, то разница между ними сведется къ одному пункту—къ разстоянію полей отъ усадьбы, отрицательное значеніе котораго въ крупныхъ хозяйствахъ становится болѣе существеннымъ при интенсификаціи.

Но Ник. Ник. Гиммеръ совершенно правильно отграничиваетъ вопросъ о *трудовомъ* и *капиталистическомъ* хозяйствѣ отъ вопроса объ ихъ размѣрахъ. При всѣхъ прочихъ равныхъ условіяхъ, трудовое хозяйство отли-

*) *Пажитновъ.* Къ аграрному вопросу. Законъ убывающаго плодородія почвы. М. 1903.

чается отъ капиталистическаго *личной заинтересованностью* своихъ работниковъ въ продуктивности ихъ труда. Широкое поле приложенія физическаго труда, изъ органичности сельско-хозяйственныхъ процессовъ, выдвигаетъ на первый планъ значеніе *качественности* труда, а личная заинтересованность побуждаетъ трудового земледѣльца къ наиболѣе тщательной работѣ. Біологическіе и физико-химическіе процессы въ сельскомъ хозяйствѣ гораздо сложнѣе и утонченнѣе, чѣмъ механическіе процессы въ индустріи: они значительно усложняются при интенсификаціи, и каждый крестьянинъ является, въ сущности, экспериментаторомъ, работающимъ въ таинственной лабораторіи природы. Поэтому, игнорируя всѣ остальныя условія, благодаря лишь одной своей личной заинтересованности, трудовой земледѣлецъ способенъ развить наивысшую производительность земли. И эта его способность, послѣ того, какъ вздорожаніе жизни поставило передъ всѣмъ культурнымъ міромъ вопросъ объ увеличеніи сельско-хозяйственной продукціи, заставляетъ не только соціалистовъ и демократовъ, но даже и умѣренныя партіи углубиться въ разработку программъ мѣропріятій, направленныхъ къ развитію хозяйствъ трудового типа и къ ликвидаціи хозяйствъ капиталистическихъ.

Передъ всѣмъ міромъ всталъ вопросъ о раціональномъ использованіи тѣхъ огромныхъ запасовъ труда и капитала, который скопился въ заброшенной сѣрой крестьянской массѣ. Вопросъ этотъ наиболѣе важенъ для насъ, т. к. нигдѣ нѣтъ такихъ колоссальныхъ и такъ мало использованныхъ запасовъ крестьянскаго труда, какъ у насъ. Одно изъ могущественнѣйшихъ средствъ для раціонализаціи трудового хозяйства доставляютъ науки. До послѣдняго времени и науки служили, главнымъ образомъ, индустріи. Сельское хозяйство было

заброшено—городъ забиралъ себѣ все лучшее, создавалъ науки, культуру, искусство, пріятную жизнь только для себя. Немудрено послѣ этого, что заброшенное сельское хозяйство слишкомъ слабо развивало свою продуктивность, что всѣ лучшія силы бѣжали изъ деревни, кто куда можетъ. Теперь заброшенность, отсталость земледѣльческой продукціи больно ударила европейскій городъ вздорожаніемъ жизни. И стоитъ перелистать отчетъ о 10 международномъ агрономическомъ конгрессѣ въ Гентѣ, чтобы увидѣть, какія разнообразныя средства начинаютъ придумываться, чтобы удержать крестьянина въ деревнѣ, чтобы сдѣлать ему жизнь сытнѣе, комфортабельнѣе, разумнѣе, веселѣе *). А для этого, кромѣ воздѣйствія научной агрономіи, необходима еще и—*соціальная организація*.

Центральной задачей соціальной экономической организаціи мелкихъ индивидуальныхъ трудовыхъ хозяйствъ является ихъ *соединеніе*. Мнѣ нѣтъ нужды ломиться въ открытую дверь, доказывая, что *обобществленіе* производства у мелкихъ хозяйствъ является conditio sine qua non развитія продуктивности ихъ труда. Лучшимъ доказательствомъ служитъ сама дѣйствительность, въ которой мы видимъ, какъ буквально на нашихъ глазахъ, кооперируются одни стороны трудового хозяйства за другими. Но кооператизація сейчасъ идетъ *сверху*, она начинается съ кредита, обмѣна, затѣмъ перебрасывается на третью стадію сельско-хозяйственнаго производства—стадію технической переработки сырья. До сихъ поръ она почти не коснулась двухъ первыхъ стадій—подготовки почвы и ухода за растеніями и животными, связанныхъ такъ или иначе съ *землей*. И несомнѣнно, что проникновеніе кооператизаціи вглубь,

*) См. *Широкихъ И. О.* 10-й международный агрономическій конгрессъ въ Гентѣ. (С. хоз—во и лѣсоводство 1913 г. № 2.)

до этихъ коренныхъ процессовъ производства, становится поперекъ дороги *частная собственность на землю*...

Подведу теперь въ двухъ словахъ итоги всему вышеизложенному. Аграрная эволюція, также, какъ и эволюція индустріи, зависитъ, по преимуществу, отъ техническихъ факторовъ производства. Эти факторы въ сельскомъ хозяйствѣ и индустріи различны по своей природѣ—въ силу чего и характеръ эволюціи въ обѣихъ отрасляхъ діаметрально противоположенъ: въ первой—хозяйства мелко-трудового типа берутъ верхъ надъ крупно-капиталистическими, во второй — наоборотъ. Мелко-трудовыя хозяйства въ аграрной сферѣ наиболѣе приспособлены къ развитію производительности земли, крупно-капиталистическія, стремящіяся къ наибольшей чистой прибыли, къ повышенію производительности своего труда, зачастую въ ущербъ производительности земли. Т. к. въ народно-хозяйственныхъ интересахъ необходимо поднять возможно высоко уровень развитія производительности земли, то съ точки зрѣнія цѣлесообразной аграрной политики, наиболѣе раціональнымъ методомъ надо считать всяческую поддержку и развитіе хозяйствъ трудового типа. Въ настоящее время (въ особенности у насъ) трудовыя хозяйства, перегруженныя избыткомъ рабочихъ рукъ, съ распыленными по милліонамъ отдѣльныхъ клочковъ земли архаическими средствами производства, отличаются пониженной производительностью труда. Задачи современной аграрной политики и состоятъ, главнымъ образомъ, въ повышеніи производительности труда въ хозяйствахъ такого типа, посредствомъ а) снабженія ихъ капиталами и знаніями, необходимыми для раціональной интенсификаціи производства, ведущей къ увеличенію валового дохода безъ ущерба для производительности труда, б) расширенія площади ихъ землепользованія за счетъ капиталистиче-

скаго землевладѣнія, т. к. малоземелье является одной изъ главнѣйшихъ причинъ низкаго уровня производительныхъ силъ, в) всесторонняго обобществленія мелкихъ индивидуальныхъ хозяйствъ, ибо такое обобществленіе—важнѣйшій факторъ сельско-хозяйственнаго прогресса.

Подъ всѣми выставленными сейчасъ тезисами, несомнѣнно, обѣими руками подпишется и Ник. Ник. Гиммеръ. Но это только доказываетъ, что у него теорія расходится съ жизнью, да и въ самой теоріи не сведены концы съ концами. Авторъ не послѣдователенъ, когда, признавая техническій факторъ главнымъ творцомъ аграрной эволюціи, считая «органичность» сельско-хозяйственнаго производства его отличительной чертой, онъ, тѣмъ не менѣе выводитъ коренную особенность этой эволюціи—развитіе хозяйствъ трудового типа за счетъ капиталистическихъ изъ *внѣшняго* побочнаго фактора—развитія индустріализаціи. Несмотря на признаніе «органичности» сельско-хозяйственнаго производства онъ смотритъ на него съ механистической точки зрѣнія, приравнивая природу къ машинѣ, и отрицая, поэтому, за ней самостоятельное значеніе, какъ фактора развитія производительныхъ силъ. Вѣря въ законъ убывающаго плодородія, онъ не отрицаетъ, что раціальныя интенсивныя системы развиваютъ производительность труда. Стоя на частно-хозяйственной точки зрѣнія, онъ, однако, не переходитъ на сторону крупно-капиталистическаго хозяйства, не предлагаетъ превратить Россію въ пустыню, по которой бы бродили стада овецъ «культурныхъ скотоводовъ». И въ общемъ итогѣ, расходясь со мной въ пониманіи основныхъ проблемъ сельско-хозяйственной экономіи, онъ почти сливается со мной въ конечныхъ выводахъ сельско-хозяйственной политики. Отсюда ясно, что кто-нибудь изъ насъ обоихъ непослѣдователенъ—онъ или я; мнѣ кажется, что онъ: по

окончательное рѣшеніе этого вопроса принадлежитъ, конечно, не мнѣ. Поэтому, воздерживаясь отъ неизбѣжно субъективной оцѣнки своихъ собственныхъ взглядовъ, скажу лишь одно: одной изъ самыхъ жизненныхъ задачъ для насъ въ настоящій моментъ является приведеніе теоріи въ послѣдовательную связь съ политикой, а политики—съ реальными условіями жизни. Безъ установленія тѣснаго взаимоотношенія между этими тремя сторонами аграрной проблемы—мы, дѣйствительно, окажемся безпочвенными доктринерами.

II.

Сущность и цѣли текущей аграрной политики.

Одна изъ выдающихся чертъ Пик. Ник-ча, какъ теоретика «аграрности»—это, признаваемая многими,—логическая стройность его мышленія. Но въ его публицистическихъ статьяхъ съ нимъ случалось, и не разъ, что страстный темпераментъ борца бралъ верхъ надъ логичностью. То же произошло съ нимъ, къ моему сожалѣнію, и въ его послѣдней статьѣ. Я жалѣю объ этомъ потому, что къ больной и сложной проблемѣ «текущей аграрной политики», которую *впервые* поставилъ передъ нами великій историческій моментъ аграрнаго переворота въ Россіи, надо подходить съ величайшей осторожностью: перспективы грядущаго фазиса аграрной эволюціи, въ который мы начинаемъ вступать, только еще слегка развернулись—все еще намъ невѣдомо и ново; каждый фактъ въ этой области долженъ быть измѣренъ и взвѣшенъ на всѣхъ строгаго логическаго анализа, каждый шагъ въ этомъ направленіи слѣдуетъ хорошенько обдумать, тщательно изслѣдовать почву, прежде, чѣмъ ставить ногу. Но, какъ разъ, въ самый нужный моментъ, темпераментъ унесъ

уважаемаго Ник. Ник-ча за предѣлы здравой логики и не то, что анализировать факты—даже бросить бѣглый взглядъ на взволнованное море русской аграрной дѣйствительности онъ оказался не въ состояніи.

Несомнѣнно, темпераментъ помѣшалъ ему даже усвоить мою статью, съ которой онъ полемизируетъ. По его словамъ, мой призывъ «съ небесъ на землю» означаетъ: «бросьте вопросы соціализма и работайте на мѣстахъ надъ улучшеніемъ сельскаго хозяйства». Но на второй страницѣ у меня чернымъ по бѣлому написано. «Я не отрицаю важности и даже необходимости теоретическихъ построеній и прогноза будущаго, въ особенности, для соціалистическихъ направленій. Соціализмъ—ученіе о будущемъ человѣчествѣ и безъ такого прогноза онъ обойтись не можетъ». Я упрекалъ нашу интеллигенцію лишь за увлеченіе, или точнѣе, за слишкомъ страстный интересъ къ тѣмъ, по моему, *утопическимъ* измышленіямъ, которыя далъ въ своемъ прогнозѣ Ник. Ник. Сухановъ. Этотъ прогнозъ я анализировалъ только съ *методологической* стороны, не касаясь его сущности и старался доказать *непаучность* метода автора, старался убѣдить его, что такъ легкомысленно нельзя обращаться съ такими сложными проблемами, что надъ ними нужно долго и упорно работать, прежде чѣмъ бросать ихъ въ кругъ общественнаго вниманія. Изъ приведенной цитаты видно, что я считаю подобную работу органически связанной съ соціализмомъ, какъ съ извѣстнымъ общественнымъ направленіемъ, и, стало быть, также, какъ и Ник. Ник. признаю, что самая прикосновенность къ соціализму *обязываетъ* соціалистовъ заниматься такими вопросами.

Есть у автора еще одно, такъ сказать «недоразумѣніе» по поводу моей статьи. Въ концѣ ея я говорю, что «программа текущей аграрной политики можетъ разрабатываться и осуществляться, въ значительной степени, не-

зависимо отъ тѣхъ судебъ, которыя постигнутъ, въ ближайшемъ будущемъ, народническую программу - минимумъ, центромъ тяжести которой являются отношенія *землевладѣнія*, зависящія, главнымъ образомъ, отъ политическихъ факторовъ; тогда какъ въ программѣ текущей аграрной политики, на первомъ мѣстѣ стоятъ *хозяйственныя* отношенія и главной цѣлью ея является развитіе производительныхъ силъ, совершающееся эволюціоннымъ путемъ». Разрѣзавъ пополамъ эту фразу на полуслова: «программа - минимумъ», Ник. Ник. выкинулъ вонъ всю вторую ея половину и, на основаніи первой, позволилъ себѣ заявить, что я совѣтую «бросить вопросы соціализма и осуществлять директивы центра». Конечно, благодаря такому пріему, смыслъ моей фразы совершенно измѣнился. Этотъ пріемъ я считаю для автора тѣмъ болѣе непростительнымъ, что онъ очень хорошо знакомъ съ моими книгами и лучше многихъ другихъ знаетъ, *что* именно я хотѣлъ сказать этой фразой. Онъ знаетъ, что я провожу и отстаиваю идею значительной зависимости эволюціи формъ *землевладѣнія* отъ политическихъ факторовъ и, наоборотъ, сравнительной независимости *хозяйственной* эволюціи отъ этихъ факторовъ. И въ послѣдней своей статьѣ въ «Русск. Бог.» я доказываю, что современный переворотъ въ формахъ землевладѣнія есть исключительный результатъ политическаго давленія сверху, что онъ не стоитъ ни въ какой связи съ развитіемъ денежныхъ отношеній въ крестьянскомъ хозяйствѣ, какъ это пытается доказать авторъ извѣстныхъ передовицъ въ «Русск. Вѣд.» Ставя формы землевладѣнія въ непосредственную зависимость отъ политическихъ факторовъ, указывая, что между ними и формами хозяйства близкой связи нѣтъ, я утверждалъ и утверждаю, что осуществленіе программы - минимумъ, касающейся измѣненія въ формахъ землевладѣнія, больше

всего зависитъ отъ извѣстныхъ политическихъ комбинацій. Но и послѣ обобществленія земли, формы *хозяйства* останутся *индивидуализированными* и ихъ обобществленіе можетъ пойти лишь путемъ медленной технической, экономической и культурной эволюціи сельскаго хозяйства и земледѣльческаго населенія. Иначе говоря, я утверждалъ то, что всѣмъ извѣстно—что обобществленіе земли *не есть еще соціализмъ*, а лишь одна изъ его предпосылокъ. Соціализмъ, какъ извѣстная система народнаго хозяйства, возможенъ лишь въ соціалистическомъ строѣ.

Конечно, и текущая аграрная политика, также, какъ и рабочая—не есть насажденіе соціализма: противники «мелко-культурнаго крохоборства», въ данномъ случаѣ, ломятся въ открытую дверь. Кооперація, землеустройство,—три вида поземельныхъ союзовъ—арендный, ипотечныя и меліоративныя товарищества, организація сельско-хозяйственнаго наемнаго труда, переселеніе и т. д., точно также, какъ сокращеніе рабочаго времени, повышеніе заработной платы, профессіональные союзы, страхованіе въ рабочемъ вопросѣ,—все это не соціализмъ и, собственно даже говорить объ этомъ излишне; но это есть *соціальная политика* и, какъ таковая, она не можетъ считаться нейтральной... Итакъ мы имѣемъ передъ собой три различныхъ категоріи вопросовъ: теоретическія проблемы соціализма, лежащія внѣ времени и пространства, или связанныя съ отдаленнымъ будущимъ, программу-минимумъ, касающуюся формъ земельной собственности, измѣненіе которыхъ зависитъ отъ политическихъ факторовъ и программу текущей аграрной политики, обнимающую экономическіе вопросы настоящаго момента. Ник. Ник. въ противность своей постоянной привычкѣ анализировать, расчленять элементы каждой проблемы, на сей разъ смѣшалъ ихъ въ одну кучу и негодуетъ на меня,

что я отказываюсь отъ такого смѣшенія. Я не могу ихъ брать подъ одну скобку, потому что эти проблемы въ моемъ пониманіи, отдѣлены другъ отъ друга значительнымъ хронологическимъ разстояніемъ. Проблема текущей политики касается настоящаго момента; программа-минимумъ осуществима въ зависимости отъ радикальной перемѣны политическихъ комбинацій; наконецъ, осуществленіе соціализма въ полной мѣрѣ— вопросъ отдаленнаго будущаго. И, тѣмъ не менѣе, я мыслю всѣ три проблемы, какъ ступеньки одной и той же лѣстницы, ведущей вверхъ.

Изъ этихъ ступенекъ средняя программа-минимумъ мнѣ кажется одной изъ самыхъ отдѣланныхъ, благодаря той огромной работѣ, какая была произведена надъ ней нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда мы мечтали, что вотъ еще одинъ шагъ—и мы на нее взберемся. Современный переворотъ въ формахъ землевладѣнія меня нисколько не разубѣждаетъ въ ея осуществимости: но сейчасъ соотвѣтственныхъ политическихъ условій нѣтъ на лицо и поэтому заниматься этой проблемой я считаю не своевременнымъ. Но нижняя и верхняя ступенька—текущая аграрная политика и соціализмъ (поскольку онъ относится къ области экономики) хотя и раздѣлены, повидимому, огромнымъ хронологическимъ промежуткомъ, все таки принадлежатъ до нѣкоторой степени къ одной логической категоріи, ибо онѣ касаются вопросовъ лежащихъ въ одной и той же плоскости, вопросовъ—*организаціи народнаго хозяйства*. И, такъ какъ эта организація совершается медленно эволюціоннымъ путемъ, то между тѣмъ эмбріономъ, который представляютъ изъ себя возможные въ настоящій моментъ элементы демократизаціи и обобществленія народнаго хозяйства и тѣмъ зрѣлымъ и стройнымъ народно - хозяйственнымъ организмомъ, который должно дать въ нашемъ представленіи осуществленіе соціалистическихъ ученій, есть извѣстная

преемственность, хотя бы такая, какъ между Москвой XVII вѣка и современной.

Кромѣ того объ эти проблемы еще мало поняты и разработаны. Вотъ почему я считаю равноцѣнной и современной работу научной мысли надъ ними обѣими. По изученіемъ вопросовъ текущей аграрной политики, ученые до сихъ поръ почти не занимались, да и не могли заниматься, ибо до 1905 г. аграрный переворотъ не проявлялся въ такой силѣ и ничего подобнаго тому, что происходитъ сейчасъ въ дѣйствительности, мы не были въ состояніи предвидѣть.

Этотъ послѣдній фактъ противники планомѣрнаго и сознательнаго участія въ аграрной политикѣ упустили изъ вида. Они презрительно называютъ ее мелко-культурной работой «сажаніемъ капусты», «куреніемъ папиросъ Кадо», и я согласенъ, что десять-пятнадцать лѣтъ тому назадъ это были дѣйствительно «малыя дѣла». Но теперь горизонты текущей аграрной политики раздвинулись широко, и объектомъ ея стало обслуживаніе *насущнѣйшихъ экономическихъ интересовъ трудового крестьянскаго класса* точно также, какъ рабочая политика обслуживаетъ насущнѣйшіе интересы рабочаго класса. Всѣ наши «принциписты» хотя и называютъ себя народниками, но народомъ, его нуждами, его жизнью и стремленіями, способами ихъ осуществленія интересуются очень мало и совершенно не понимаютъ современной постановки всѣхъ «аграрныхъ» вопросовъ, ихъ грандіознаго размаха, ихъ всеобъемлющаго значенія не только для самихъ крестьянъ, но и для тѣхъ тысячъ интеллигентовъ,—профессіоналовъ-кооператоровъ, агрономовъ, меліораторовъ, переселенческихъ агентовъ и т. д., которые, какъ правильно говоритъ въ данномъ случаѣ кн. Трубецкой, сливаются органически съ крестьянскими массами, работаютъ съ ними рука объ руку, творя новую

жизнь. Глубочайшую ошибку дѣлаетъ Ник. Ник., заявляя, что текущая аграрная политика, могущественно вліяющая на созданіе новыхъ формъ крестьянскаго хозяйства и даже быта, совершенно *нейтральна*, что она «подобна всякой культурной работѣ въ области народнаго образованія, медицины и въ другихъ областяхъ, обслуживаемыхъ напр., земствами черезъ посредство третьяго элемента». Именно въ этомъ самомъ отвѣтственномъ и щекотливомъ мѣстѣ, темпераментъ увичтожилъ у него способность даже логически мыслить. Мнѣ казалось истиной самоочевидной, что «нейтральной» аграрная политика не можетъ быть по той простой причинѣ, что она обслуживаетъ экономическіе интересы трудового крестьянства, естественно сталкивающіеся съ интересами другихъ [illegible]овъ и слоевъ. Самъ Ник. Ник. Сухановъ въ своей напумѣвшей статьѣ столкнулъ лбами экономическіе интересы крестьянъ и рабочихъ, самъ пытался увѣрить насъ, что эволюція «производственныхъ» кооперацій приведетъ къ монопольному захвату крестьянами рынка жизненныхъ припасовъ. Правъ онъ или нѣтъ — это другой большой вопросъ, о которомъ я скажу дальше нѣсколько словъ, но, во всякомъ случаѣ, ему — автору столь смѣлой концепціи заявлять и при томъ совершенно голословно о нейтралитетѣ даже кооперативовъ, не говоря о другихъ элементахъ текущей политики (напр. связанныхъ съ вопросами землевладѣнія) по меньшей мѣрѣ неумѣстно. Для меня же полная невозможность сохраненія нейтралитета, даже если бы мы этого и хотѣли является аксіомой. Но теперь я вынужденъ эту аксіому доказывать.

Основной цѣлью аграрной политики, также какъ и рабочей, является организація крестьянства во имя его насущныхъ интересовъ. Но въ рабочей политикѣ дѣло обстоитъ гораздо проще: тутъ весь вопросъ сводится

только къ организаціи отдѣльныхъ *лицъ* для совмѣстнаго отстаиванія интересовъ того класса, къ которому принадлежатъ эти лица. Аграрная политика должна обслуживать интересы класса *мелкихъ самостоятельныхъ производителей*, и, въ силу этого, организаціонная работа касается здѣсь не только *лицъ*, но и *хозяйства* и *землевладѣнія*. Вотъ почему я въ своей статьѣ выставилъ не одинъ, а два принципа этой политики: первый принципъ—*демократизаціи*—т.-е. всесторонняго соціально-экономическаго и культурнаго развитія трудового крестьянства, второй—*обобществленія* мелкаго индивидуальнаго хозяйства во всѣхъ тѣхъ формахъ, въ какихъ оно возможно въ настоящій моментъ. Самостоятельность крестьянства, какъ класса производителей и вытекающій изъ нея принципъ обобществленія осложняютъ аграрную политику, превращая ее не только въ классовую, т.-е. въ соціальную, но и втягивая ее въ сферу государственной и мѣстной чистой политики, какъ внутренней такъ и внѣшней. Эта трехгранность аграрной политики проявляется чрезвычайно отчетливо во многихъ изъ ея составныхъ элементовъ.

Разсмотрѣніе этихъ элементовъ я произведу въ томъ порядкѣ, въ какомъ они были изложены въ моей статьѣ. Тамъ я дѣлилъ всю программу на двѣ части: общую—для всего крестьянства — агрикультура, экономическія мѣропріятія и техническія—землеустройство и меліораціи, и спеціальную—главнымъ образомъ, для малоземельныхъ и безземельныхъ: передвиженіе сельско-хозяйственнаго населенія (разселеніе внутри Европейской Россіи, переселеніе въ Азію и эмиграція за океанъ), мобилизація земель, внѣ-надѣльная и внутри-надѣльная аренда. Сюда же можно пріобщить вопросъ о сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, такъ какъ они рекрутируются, главнымъ образомъ, изъ малоземельныхъ. Начинаю съ агрикультуры.

Казалось бы чего центральнѣе — это ужъ доподлинное «сажаніе капусты:» но вотъ, недавно я пронтудировалъ смѣту Департамента Земледѣлія. Въ ней есть рубрика «непосредственная агрономическая помощь населенію». Эта рубрика раньше дѣлилась на два параграфа: общія мѣропріятія—для *всего* населенія и спеціальный кредитъ на агрономическую помощь хозяйствамъ единоличнаго владѣнія. Теперь подъ давленіемъ реальной обстановки агрономической помощи,—отчасти общественнаго мнѣнія и мѣстныхъ людей, этотъ параграфъ измѣнилъ свое назначеніе: агрономическая помощь оказывается *всему* населенію въ раіонахъ землеустройства, причемъ Департаментъ стремится передать кредиты въ руки земствъ и болѣе крѣпкихъ сельско-хозяйственныхъ кооперативовъ. При детальномъ разсмотрѣніи смѣты по губерніямъ ясно видно, что старыя традиціи политиканства и кумовства еще сильны, но, отчасти, ихъ сила обусловлена тѣмъ, что у Департамента нѣтъ стройнаго плана распредѣленія кредитовъ сообразно съ положеніемъ сельскаго хозяйства въ различныхъ раіонахъ Россіи и поэтому, внезапно разбогатѣвшій Департаментъ раздаетъ сотни тысячъ всѣмъ, кто подвернется. Задачей аграрныхъ политиковъ является выработка такого плана: послушаетъ ли ихъ Департаментъ или нѣтъ—это другой вопросъ, но ограничиться одной безплодной критикой, не давая положительныхъ указаній, здѣсь, по моему невозможно. Т. к. въ данномъ случаѣ, центръ тяжести вопроса лежитъ во взаимоотношеніяхъ между мѣстными общественными учрежденіями и центральной властью—то этотъ вопросъ относится къ области внутренней политики.

Но въ агрикультурѣ замѣшанъ и классовый вопросъ. Агрикультурная дѣятельность призвана обслуживать *все* крестьянство, но на самомъ дѣлѣ, какъ выяснилось

на Кіевскомъ сельско-хозяйственномъ съѣздѣ, силонъ и рядомъ она касается только верховъ, рѣже среднихъ слоевъ и почти никогда не проявляетъ своего полезнаго дѣйствія на малоземельныхъ низахъ деревни. На этой почвѣ между агрономами сѣвера и юга возникли страстные дебаты, перешедшіе въ спеціальную печать и далеко еще не оконченные. Могутъ ли деревенскіе низы пріобщиться къ агрикультурѣ и *какъ* могутъ, должны ли агрономы изыскивать методы реорганизаціи малоземельнаго хозяйства—трудовыя артели, напримѣръ, или это занятіе безполезное—вотъ вопросы *соціальнаго* значенія въ проблемѣ современной общественной агрономіи. Въ этой проблемѣ на первомъ планѣ стоитъ сейчасъ выработка организаціонныхъ плановъ крестьянскаго хозяйства, приспособленныхъ къ естественно-историческимъ и экономическимъ условіямъ данныхъ раіоновъ и, прежде выработки этихъ плановъ, агрономы должны рѣшить, предназначаются ли они для всей массы крестьянъ, или только для избранныхъ слоевъ...

Большая часть *экономическихъ* вопросовъ соприкасается со всѣми тремя направленіями аграрной политики. На первомъ планѣ тутъ стоятъ кооперативы. Существующіе кооперативо-кредитные, по сбыту продуктовъ, пріобрѣтенію средствъ производства и предметовъ потребленія, наконецъ, по технической переработки сырья, обслуживаютъ опять таки, преимущественно, верхніе и средніе слои крестьянства: какъ показываютъ статистическія данныя, низшіе слои пользуются кооперативнымъ кредитомъ въ $2^1/_2$ раза слабѣе, чѣмъ средніе. Пріобрѣтать, улучшать средства производства имъ не по силамъ, да и незачѣмъ: сбывать имъ нечего—они сами постоянно прикупаютъ хлѣбъ; тѣмъ болѣе имъ нечего перерабатывать. Въ общемъ, современное кооперативное движеніе ихъ затрогиваетъ гораздо менѣе, чѣмъ другіе слои. Кооперативная орга-

низація имъ необходима, но совершенно иного типа — связанная не съ производствомъ, а съ отношеніями *землевладѣнія* и *землепользованія*, т. к. центральной задачей аграрной политики по отношенію къ малоземельнымъ, является расширеніе площади ихъ землепользованія и кооперативная организація аренды, переселенія, мобилизаціи значительно облегчитъ выполненіе этой задачи. Такимъ образомъ, разновидности существующихъ кооперативовъ и тѣхъ, которые будутъ возникать, связаны съ экономическимъ разслоеніемъ крестьянства и, благодаря уже этому, кооперативная организація входитъ въ кругъ проблемъ соціальной политики.

Далѣе, кооперативныя организаціи охватываютъ тѣ стороны крестьянскаго хозяйства, посредствомъ которыхъ оно соприкасается съ внѣшнимъ міромъ: часть капитала, обращающагося въ кредитныхъ кооперативахъ, получается у казны, часть — у капиталистовъ. Сбывая продукты, кооперативы становятся въ извѣстныя отношенія къ потребителямъ, и, какъ думаетъ Ник. Ник. Сухановъ, крестьянскіе кооперативы, могутъ, поднимая цѣны на продукты, приносить вредъ потребителямъ въ томъ числѣ рабочимъ. Конечно, сейчасъ, объ этомъ говорить не приходится: крестьянскіе кооперативы по сбыту слишкомъ еще не многочисленны, разрознены и на пониженіе рыночныхъ цѣнъ, зависящихъ, какъ извѣстно, отъ условій не только внутренняго, но и мірового рынка, мало-мальски замѣтно повліять не могутъ. Сейчасъ, крестьяне въ Россіи продаютъ свои продукты по цѣнамъ *болѣе низкимъ*, чѣмъ крупныя хозяева, которые болѣе умѣло приспособляются къ условіямъ сбыта. Положимъ кооперативная организація устранитъ всѣ дефекты въ постановкѣ крестьянскаго сбыта, благодаря которымъ они теряютъ ежегодно сотни милліоновъ, но врядъ ли это можетъ повліять на подъемъ цѣнъ: вѣдь эти сотни милліоновъ

не оставались въ карманахъ у потребителей — ихъ перехватывала въ свои цѣпкія руки армія посредниковъ — торговцевъ, существованіе которой потребитель оплачивалъ своимъ карманомъ. Подъема цѣнъ отъ кооперативныхъ организацій сбыта мелкихъ производителей можно ожидать лишь въ томъ случаѣ, когда эти организаціи станутъ *монополистами* на рынкѣ и притомъ не въ одной странѣ (напр., въ Россіи, а *въ цѣломъ мірѣ*, т. е. когда кооперативныя организаціи крестьянъ всего міра объединятся въ одинъ гигантскій союзъ. Вотъ одна изъ причинъ, по которымъ я считаю прогнозъ Ник. Ник. Суханова утопическимъ. Пока же этого мірового союза не образовалось — кооперація крестьянскихъ продуктовъ, въ лучшемъ случаѣ, приведетъ лишь къ устраненію изъ круговорота торговли посредниковъ, отъ чего потребители должны скорѣе выиграть, чѣмъ проиграть. Тѣмъ не менѣе, отсюда слѣдуетъ, что кооперативы нейтральными быть не могутъ: если не съ потребителями, то съ капиталистами — торговцами они «по самой своей природѣ», какъ любитъ выражаться Ник. Ник., должны вступить въ борьбу и вступаютъ въ нее съ самого момента своего возникновенія.

Я уже указывалъ не разъ, что, при интенсификаціи, крестьянскія хозяйства связываются съ рынкомъ двумя сторонами: какъ продавцы своихъ продуктовъ и какъ покупатели средствъ производства и предметовъ потребленія. Если въ первомъ случаѣ, крестьяне иногда и могутъ явиться на рынкахъ въ роли хозяевъ, диктующихъ свои условія (при продажѣ напр., мало транспортабельныхъ продуктовъ въ ближайшихъ центрахъ), то во второй они сами оказываются потребителями, зависящими отъ классовъ, хозяйствующихъ въ индустріи и отъ торговцевъ. Слѣдовательно и тутъ кооперативная организація покупокъ ввязываетъ крестьянство въ борьбу съ капи-

талистами, борьбу, ведущуюся уже въ цѣляхъ самозащиты.

Если у насъ до 1917 г. успѣла широко разрости кооперація сбыта—представители кооперативныхъ союзовъ явились бы защитниками крестьянскихъ интересовъ, при предстоящимъ пересмотрѣ торговаго договора съ Германіей. Я очень мало знакомъ съ экономіей и техникой торговли, но полагаю, что интересы крестьянъ, какъ экспортеровъ жизненныхъ припасовъ за границу, не всегда совпадаютъ съ интересами крупныхъ помѣщиковъ, и можно ожидать, что, при отсутствіи защитниковъ крестьянства въ моментъ заключенія договора, помѣщичьи интересы будутъ поставлены на первый планъ. Этотъ примѣръ показываетъ, что въ сферу дѣйствій аграрной политики могутъ входить даже и международныя отношенія. Вообще таможенная политика, далеко, не представляетъ quantité negligeable для аграрнаго вопроса и въ частности для крестьянскаго класса. Финансы, прямое и косвенное обложеніе, желѣзнодорожное дѣло и т. д.—все это относится къ области внутренней политики, которая тѣмъ болѣе станетъ благопріятствовать крестьянамъ, чѣмъ лучше они будутъ организованы. Организація крестьянства на основѣ кооперативнаго движенія и болѣе широкаго участія въ мѣстномъ самоуправленіи, послужитъ опорной базой для защиты его интересовъ со всѣхъ тѣхъ сторонъ, съ которыхъ на нихъ будетъ поведена атака. До сихъ поръ крестьянскія земли обложены земскими сборами значительно выше, чѣмъ помѣщичьи: до сихъ поръ косвенные налоги на предметы крестьянскаго потребленія отнимали болѣе десятой доли крестьянскаго бюджета. Кто поручится, что при наступающемъ, повидимому, новомъ подъемѣ желѣзнодорожнаго строительства, интересы крестьянъ въ Европѣ не будутъ также игнорированы, какъ и въ Азіи, гдѣ правительство, вкладывавшее

милліарды въ Пріамурье, до сихъ поръ не удосужились провести южно-сибирскую магистраль. Когда организованное крестьянство будетъ въ состояніи защищать свои интересы, всѣ экономическіе и финансовые мѣропріятія, такъ или иначе соприкасающіяся съ аграрнымъ вопросомъ, измѣнятъ свое лицо.

Такимъ образомъ, въ перечисленныхъ раздѣлахъ общей части аграрной политики, не касающихся непосредственно земельнаго вопроса въ узкомъ смыслѣ и потому гораздо болѣе нейтральныхъ мы, тѣмъ не менѣе, находимъ элементы, не только внутренней и внѣшней «чистой» политики, но и дозу политики соціальной: эта послѣдняя выражается во 1-хъ—въ томъ, что кооперація и агрикультура обслуживаетъ не одинаково всѣ слои крестьянства, во 2-хъ—въ борьбѣ кооперации съ капиталистами—торговцами и предпринимателей въ индустріи. Но въ этихъ раздѣлахъ на первый планъ выдвигается все-же не столько соціальная, сколько чисто политическая сторона: тутъ интересы массоваго крестьянства могутъ быть защищены лишь постольку, поскольку само крестьянство или его защитники будутъ въ состояніи проводить свою линію, какъ въ центрѣ, такъ и на мѣстахъ. Идетъ ли дѣло о распредѣленіи агрономической помощи, или о налогахъ, о таможенныхъ ставкахъ, желѣзныхъ дорогахъ и т. д.—интересы крестьянства зависятъ отъ *политической мощи* самого крестьянскаго класса, отъ того, какую роль играютъ его представители и сторонники въ законодательныхъ учрежденіяхъ и въ органахъ мѣстнаго самоуправленія. Пока ихъ значеніе будетъ невелико—до тѣхъ поръ крестьяне не могутъ разсчитывать на болѣе или менѣе полное осуществованіе своихъ интересовъ. Представительство крестьянъ въ законодательныхъ и мѣстныхъ органахъ управленія не зависитъ отъ нихъ самихъ: но экономическія организаціи крестьянства могутъ въ нѣко-

торыхъ случаяхъ явиться для нихъ существенной поддержкой.

Перехожу къ тѣмъ раздѣламъ аграрной политики, которые непосредственно связаны съ *землей*. Въ настоящій моментъ мы переживаемъ переворотъ въ *формахъ* землевладѣнія: съ одной стороны разрушается община, съ другой — правительство стремится превратить государственный земельный фондъ въ *частную* земельную собственность. Происходитъ нивеллировка разнообразныхъ формъ земельной собственности, существовавшихъ до сихъ поръ въ Россіи. Этому вопросу посвящены мои статьи въ мартовскихъ книжкахъ «Вѣстника Европы» и «Русск. Бог.» *) и здѣсь я его не буду касаться: отмѣчу только, что хотя и съ минимальной надеждой на успѣхъ противъ насильственныхъ актовъ разрушенія общины и расхищенія національнаго земельнаго фонда можно бороться лишь въ законодательныхъ учрежденіяхъ и черезъ посредство общественнаго мнѣнія. Иногда и это послѣднее колеблется: такъ напр., передача 250 тыс. дес. хлопковыхъ земель въ Туркестанѣ компаніи Московскихъ капиталистовъ, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, дважды снималась съ очереди. Но, вообще говоря, перевороты въ формахъ земельной собственности, какъ я говорилъ, больше всего зависятъ отъ политическихъ факторовъ, отъ реальнаго соотношенія силъ на верхахъ и потому наше безсиліе въ этомъ пунктѣ теперь едва ли не достигаетъ своего максимума.

Слѣдующій раздѣлъ аграрной политики охватываетъ процессъ перераспредѣленія земель между двумя классами сельско-хозяйственнаго населенія — капиталистическимъ и трудовымъ и между различными слоями внутри трудового класса. Я говорю объ арендѣ и мобилизаціи нивѣ-

*) См. дальше ст. Въ защиту „доктринерства".

надѣльныхъ и надѣльныхъ земель. Ник. Ник. случайно или нѣтъ—не знаю, перечисляя элементы аграрной политики, пропустилъ этотъ важнѣйшій отдѣлъ, который, какъ всякому ясно, устанавливаетъ безусловную связь аграрной политики съ *соціальными* отношеніями, въ частности, съ отношеніями различныхъ классовъ сельскохозяйственнаго населенія. Предыдущіе раздѣлы хотя и касаются отношеній между классами, но эти классы лежатъ въ различныхъ экономическихъ плоскостяхъ: крестьяне—и торговцы, крестьяне и промышленники-капиталисты здѣсь же между—классовыя отношенія находятся въ одной плоскости—землевладѣнія и сельскаго хозяйства, что, по моему, окончательно опровергаетъ высказанное Ник. Ник. мнѣніе о нейтралитетѣ аграрной политики.

Задачами демократическихъ направленій при воздѣйствіи на процессъ перераспредѣленія земель, являются 1) направленіе этого процесса въ сторону наиболѣе нуждающихся въ землѣ слоевъ крестьянской массы; 2) организація поземельнаго кредита съ цѣлью наивозможнаго облегченія тѣхъ матеріальныхъ жертвъ, которыя приносятъ малоземельные для пріобрѣтенія земли и 3) трансформація мелко-индивидуальнаго земледѣлія и землепользованія въ коллективное, поскольку это осуществимо въ настоящій моментъ. Демократическія тенденціи здѣсь сливаются съ постулатомъ развитія производительныхъ силъ, ибо крестьянское малоземелье является едва ли не самымъ сильнымъ тормазомъ этого развитія. Наиболѣе полное устраненіе малоземелья возможно лишь при радикальной перемѣнѣ политической конъюнктуры.

До тѣхъ поръ, единственной задачей *спеціальной* программы аграрной политики объектомъ которой являются малоземельные слои деревни, будетъ лишь размѣщеніе нарастающаго избытка деревенскаго населенія. Этотъ

избытокъ въ Западной Европѣ поглощается безъ остатка городомъ и эмиграціей за океанъ: въ Россіи емкость городовъ и индустріи еще незначительна и приблизительно не менѣе $^2/_3$ ежегоднаго прироста плюсъ крестьяне обезземеливаемые внутринадѣльной мобилизаціей, нуждаются въ выходѣ на *землю* внѣ своихъ скудныхъ надѣловъ. Съ 1906 г. до 1910 г. для малоземельныхъ кр-нъ эти выходы— мобилизація земель и переселеніе на время расширились до небывалыхъ до тѣхъ поръ предѣловъ—болѣе $1^1/_2$ милліоновъ дворовъ — четвертая часть всѣхъ малоземельныхъ увеличили свое земленользованіе не менѣе, чѣмъ на 11 — 12 милл. дес. въ Европейской Россіи и 20 милл. дес.—въ Азіатской. Но съ 1909—1910 гг. переселенческое движеніе и мобилизація внѣнадѣльныхъ земель черезъ Крестьянскій Банкъ начало стремительно падать, повидимому не отъ случайныхъ, а отъ болѣе или менѣе *постоянныхъ* причинъ: отъ сокращенія колонизаціонной емкости азіатскаго земельнаго фонда и отъ уменьшенія предложенія помѣщичьихъ земель къ продажѣ, что въ свою очередь зависитъ во 1-хъ отъ того, что наиболѣе неустойчивыя крупныя владѣнія уже ликвидированы въ значительномъ числѣ — остались болѣе крѣпкія хозяйства; во 2-хъ—отъ болѣе выгодной для товарнаго хозяйства рыночной конъюктуры. Что касается до мобилизаціи надѣловъ, то хотя она сейчасъ и ростетъ, и будетъ расти, повидимому, еще нѣсколько лѣтъ въ связи съ распространеніемъ разрушенія общины, но все-же этотъ ростъ временный; ибо продавцы надѣловъ принадлежатъ, главнымъ образомъ, къ категоріямъ крестьянъ, не имѣвшихъ своего земледѣльческаго хозяйства и въ первую голову, воспользовавшихся своимъ правомъ собственности для окончательной ликвидаціи надѣловъ. Пройдетъ нѣсколько лѣтъ и, за сокращеніемъ этой группы, охватывающей по существующимъ нѣдѣ-

имѣмъ около 50 — 70% всѣхъ продавцовъ надѣловъ, внутринадѣльная мобилизація должна будетъ также упасть.

А между тѣмъ спросъ на землю со стороны крестьянъ неизбѣжно возрастетъ, не только вслѣдствіе прироста населенія и ухудшенія положенія малоземельныхъ при интенсификаціи, но и потому, что правительственное землеустройство естественно приведетъ къ обезземеленію сопаслѣдниковъ хуторовъ и отрубовъ, иначе вся «великая реформа» Столыпина пойдетъ на смарку. Несоотвѣтствіе между спросомъ и предложеніемъ усиливаетъ потребность въ *урегулированіи* мобилизаціи земель, каковое возможно и слѣдуетъ произвести при посредствѣ кооперативной организаціи *ипотечнаго* кредита. И покуда наши «интеллигенты еще раскачиваются», пока они только еще собираются приступить къ обсужденію «принципіальнаго» вопроса о допустимости или недопустимости залога надѣльныхъ земель (хотя бы только въ кооперативахъ), безъ котораго, какъ очевидно каждому немыслима широкая постановка ипотечнаго кредита, крестьянскіе кооперативы, не дождавшись ни отъ московскихъ, ни отъ петербургскихъ интеллигентовъ отвѣта на свои запросы, уже начали, повидимому, приступать къ дѣлу. Въ тотъ день, когда я пишу эти строки, 19 февраля— въ годовщину освобожденія крестьянъ, въ Русск. Вѣд. напечатано маленькое сообщеніе изъ Симферополя, гдѣ состоялся съѣздъ кредитныхъ то-въ въ Таврич. губ. на которомъ рѣшено организовать кооперативный союзъ и *открыть банкъ мелкаго ипотечнаго кредита.* Есть основаніе предполагать, что вмѣстѣ съ ростомъ кооперативнаго объединенія рука объ руку пойдетъ и организація кооперативнаго ипотечнаго кредита, т. к. нужда въ немъ слишкомъ назрѣла, и у казны есть всѣ основанія поддерживать это движеніе своими ссудами.

Конечно, ипотечный кредитъ есть зло: зло потому, что цѣны на землю всегда выше ея доходности, потому что пользоваться имъ приходится преимущественно низшимъ слоямъ деревни, на которыхъ онъ и падаетъ тяжелымъ игомъ. «На мѣсто цѣней крѣпостныхъ людей придумали много иныхъ»—это одна изъ такихъ цѣней, которую добровольно надѣваютъ на себя таврическіе передъ празднествомъ дня освобожденія. Но это зло *неизбѣжное* при частной собственности на землю. И, чтобы отыскать въ глубинахъ этого неизбѣжнаго зла зерно возможнаго добра, мы должны изъ трехъ видовъ ипотечнаго кредита—правительственнаго, частно-капиталистическаго и кооперативнаго, остановиться на послѣднемъ.

Ни правительственный, ни тѣмъ болѣе капиталистическій ипотечный кредитъ не могутъ сыграть той организующей роли, которая естественно связывается съ кредитомъ кооперативнымъ. Всякаго рода кооперативные союзы—арендные, меліоративные, для покупки земли, проектируемые взамѣнъ общины земельныя о-ва и т. д. не только возможны, но и входятъ необходимымъ звеномъ въ цѣнь кооперативной организаціи: здѣсь отъ центра къ периферіи все будетъ обобщественно съ начала до конца и это организующее, обобществляющее начало и должно, по моему мнѣнію, сконцентрировать наше вниманіе въ этомъ вопросѣ.

Соціальное значеніе кооперативнаго ипотечнаго кредита неоспоримо: въ немъ мелкіе, разрозненные и поэтому слабосильные индивидуальные собственники-крестьяне найдутъ точку опоры для объединенія и защиты своихъ интересовъ противъ эксплоатаціи крупныхъ владѣльцевъ, подымающихъ арендныя цѣны до уровня «голодныхъ», и продающихъ разные негодные «прогоны» и «отрѣзы» по цѣнамъ, въ нѣсколько разъ превышающимъ норма-

ныя. Кооперативный кредитъ окончательно освободитъ крестьянъ изъ рукъ ростовщическаго капитала, чего крестьяне не избѣгаютъ сейчасъ при казенномъ кредитѣ, тутъ имъ приходится выплачивать «верхи» наличными: наконецъ, на извѣстной степени развитія, онъ можетъ стать конкурентомъ правительственному кредиту.

Второй выходъ малоземельнымъ дастъ переселеніе. Современное положеніе переселенческаго вопроса, совершенно иное, чѣмъ было до 1905 г. подробно освѣщено въ недавно вышедшей моей книгѣ *). Здѣсь я только укажу на двѣ стороны этого вопроса. Во 1-хъ,—на тотъ фактъ, что сейчасъ вокругъ азіатскихъ и сѣверо-европейскихъ земель возгорается борьба между представителями интересовъ капиталистовъ и трудовыхъ земледѣльцевъ. Правительство не дожидаясь, пока Государственная Дума утвердитъ его законопроектъ, уже роздастъ лучшія степныя земли «культурнымъ скотоводамъ». Только единодушный отпоръ организованнаго общественнаго мнѣнія, если таковое снизойдетъ до вниманія къ этому вопросу, имѣющему огромное практическое и принципіальное значеніе **), способенъ предотвратить или хотя бы смягчить тяжелыя для народа послѣдствія проведенія въ жизнь правительственныхъ законопроектовъ по сибирскому землевладѣнію, находящихся сейчасъ на разсмотрѣніи Государственной Думы. Во 2-хъ—на необходимость кооперативной организаціи совершенно неурегулированнаго выселенія крестьянъ съ мѣстъ родины. Вслѣдствіе сокращенія колонизаціонной емкости Сибири, отыскивать въ ней свободные и подходящіе участки

*) Обновленіе земледѣльческой Россіи и аграрная политика, вып. I, населеніе, переселенческій вопросъ. М. 1914.

**) Принципіальность заключается въ пунктѣ, касающемся передачи хотя бы и непригодныхъ „впустѣ лежащихъ" казенныхъ земель крупнымъ предпринимателямъ въ собственность или въ аренду.

становится все труднѣе, а это приводитъ, съ одной стороны, къ колоссальному росту ходаческаго движенія (число ходоковъ увеличилось съ 36 тыс. въ 1911 г. до 93 тыс. въ 1913 г., въ то время какъ переселенцевъ за это время со 190 дес. всего 234 тыс. на 1-го ходока въ 1911 г. приходилось $5^1/_4$ переселенцевъ, въ 1913 г.—всего $2^1/_2$). Съ другой—къ быстрому увеличенію безрезультатнаго ходачества. Это—ясный показатель того, что насталъ моментъ регулированія переселенческаго движенія кооперативными организаціями. Объединеніе крестьянъ въ группы для посылки ходоковъ—первый этапъ на этомъ пути. Второй—ликвидація переселенческаго имущества и земли черезъ кооперативъ, земства, или черезъ организацію самостоятельныхъ переселенческихъ кооперативовъ. Третій—переселенческія артели въ пути и при водвореніи на мѣсто; четвертый—кооперативная аренда переселенческихъ участковъ; пятый—мелiоративныя и закупочныя товарищества, при первоначальномъ устройствѣ на новыхъ мѣстахъ; шестой—совмѣстная обработка земли общими орудіями производства, вродѣ той, которая самопроизвольно возникла у новоселовъ Забайкалья. Вообще, переселенческое движеніе представляетъ едва ли не самую благодарную почву для развитія кооперативнаго дѣла по всѣмъ направленіямъ. Недавно возникшій областной земскій переселенческій союзъ 8 южныхъ губерній впервые дѣлаетъ попытку организаціи переселенія, до сихъ поръ пребывающаго въ хаотическомъ состояніи. Здѣсь, какъ и въ другихъ отдѣлахъ аграрной политики, намѣчается разграниченіе сферъ дѣятельности правительственныхъ и мѣстныхъ учрежденій: правительство беретъ на себя задачи *колонизаціи* т.-е. водворенія переселенцевъ въ Азіи, земства—заботу о выселеніи съ родины. Этой со-

роной переселенческій вопросъ соприкасается съ проблемами внутренней политики.

Я оставилъ неразсмотрѣнными два раздѣла *техническихъ* мѣропріятій: землеустройство и мелioраціи. Объ этихъ раздѣлахъ я уже говорилъ въ журналахъ (въ Завѣтахъ и Вѣсти. Европы декабрь) и теперь мнѣ не хочется повторяться. Отмѣчу только, что вслѣдствіе тѣсной ихъ связи съ агрикультурными задачами, въ этихъ пунктахъ является важнымъ разграниченіе сферъ компетенціи мѣстныхъ и правительственныхъ учрежденій, причемъ мѣстныя учрежденія, въ силу чисто техническихъ особенностей землеустроительнаго и мелioраціоннаго дѣла, должны пріобрѣсти широкое поле дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ и землеустройство и мелioраціи являются только средствами для агрикультурнаго прогресса: онѣ входятъ составными частями въ общій планъ реорганизаціи сельскаго хозяйства, зависящій отъ комплекта мѣстныхъ условій, знакомыхъ мѣстнымъ людямъ, и неизвѣстныхъ, не поддающихся воздѣйствію органовъ центральной власти. Осушительныя мелioраціи—могучее средство для увеличенія кормовыхъ площадей; песчано-овражное дѣло въ связи съ орошеніемъ дадутъ возможность въ земледѣльческомъ центрѣ и на югѣ—перейти отъ зернового трехполья къ плодосмѣну, требующему сохраненія и увеличенія влажности полей; правительственное землеустройство безъ гидротехнической сѣти немыслимо: самое землеустройство создастъ лишь базисъ для агрикультуры и, какъ правильно отмѣчалъ П. А. Столыпинъ въ своей запискѣ, оно—только первая ступень. Такимъ образомъ, передача техническихъ мѣропріятій на мѣста диктуется ходомъ аграрной эволюціи, и правительство, понимая это, само охотно идетъ навстрѣчу растущей мелioраціонной дѣятельности мѣстныхъ учрежденій, оставляя за собой по успѣвшей уже уста-

рѣзъ политической традиціи, линіи руководство землеустроиствомъ.

Соціальная сторона меліораціоннаго дѣла и связаннаго съ нимъ землеустройства, также лѣса, какъ и по другимъ раздѣламъ: меліораціи всегда и вездѣ касались цѣлыхъ группъ мелкихъ индивидуальныхъ хозяйствъ и устанавливали между ними не только добровольную, но и принудительную связь. Послѣ разрушенія общины, потребность въ образованіи поземельныхъ союзовъ, безъ которыхъ немыслимо меліоративное дѣло, выступило на первый планъ. Необходимость въ объединеніи крестьянъ для меліораціи противорѣчитъ разъединительной землеустроительной политикѣ правительства—на этомъ пунктѣ возгорается борьба между гидротехническими и агрономическими организаціями съ одной стороны и землеустроителями съ другой—борьба, въ которой побѣда должна оказаться на сторонѣ первыхъ; и землеустроиство, рано или поздно, также какъ и въ Западной Европѣ—превратится въ *водоустройство* или все, что сдѣлало въ этомъ направленіи правительство, разсыплется какъ карточный домикъ. Центральный пунктъ землеустройства—форма *разселенія*, какъ понятно каждому, является въ то же время въ высшей степени важнымъ *соціальнымъ* вопросомъ: отъ того, какая форма разселенія—хутора или отруба, возобладаютъ въ дальнѣйшемъ, зависитъ не только экономическое строеніе крестьянскаго хозяйства, но даже и формы деревенскаго быта.

Мнѣ осталось коснуться лишь вопроса о сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Недавно появившіяся брошюры Полферова и Дроздова и небольшая статья г. Яковлевича въ Рус. Мысли показываютъ, что положеніе наемнаго труда въ сельскомъ хозяйствѣ за послѣдніе годы сильно измѣнилось. Ростъ городовъ, мобилизація земель,

переселенія, интенсификація даже землеустройство разрѣдили огромные запасные кадры сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ переселенческихъ губерніяхъ земледѣльческаго центра. Полтора милліона дворовъ (считая вмѣстѣ съ переселенцами) расширили свою территорію, другіе нашли приложеніе своему избыточному труду въ интенсивирующемся хозяйствѣ; третьи эмигрировали въ Америку и нашли болѣе выгодный рынокъ труда въ Германіи. Эти и другія причины способствовали пониженію земледѣльческаго отхода изъ центровъ на югъ, который за послѣднее пятилѣтіе упалъ на 30—40%. Въ то же время *спросъ* на рабочія руки со стороны помѣщиковъ переходящихъ на болѣе интенсивное хозяйство увеличился, благодаря чему конъюнктура рынка сельско-хозяйственнаго найма стала гораздо болѣе выгодной для рабочихъ. Задача современнаго момента—воспользоваться этой конъюнктурой и сдѣлать попытку организаціи рабочаго движенія черезъ земство и кооперативы.

Мой черновой набросокъ соціально-политическихъ сторонъ аграрныхъ вопросовъ, показываетъ, что относить аграрную политику къ области *нейтральной*, только культурно-просвѣтительной дѣятельности интеллигенціи—прямо абсурдно. Соціально-политическая сторона въ аграрной политикѣ гораздо шире чѣмъ въ рабочей, гдѣ она сводится, главнымъ образомъ, къ классовой борьбѣ. Въ аграрной политикѣ есть весьма достаточное количество элементовъ классовой борьбы, ибо крупно-помѣщичій классъ далеко еще не сошелъ съ арены аграрной исторіи, но кромѣ нихъ имѣется еще болѣе широкое поприще для разрѣшенія задачъ не только внутренней, но также и внѣшней политики, занимающихъ въ рабочемъ вопросѣ второстепенное мѣсто. Перетеканіе отъ центра къ периферіи всѣхъ составныхъ

частей творческой работы надъ стихійно-растущимъ крестьянскимъ хозяйствомъ только еще началось, поворотъ «отъ думы къ земству» и къ другимъ вновь образующимся ячейкамъ организованности только что началъ обрисовываться—тутъ, въ глубинѣ Россіи, въ горнилѣ, кующемъ новыя формы общественной и хозяйственной жизни—*наше мѣсто.*

Ник. Ник. Гиммеръ скорбитъ о томъ, что «новое огромное поприще общественно-полезнаго труда грозитъ поглотить безъ остатка всю энергію, все вниманіе и всю рабочую силу интеллигентныхъ массъ». Я діаметрально-противоположнаго мнѣнія: я скорблю о томъ, что до сихъ поръ наша интеллигенція еще не вылечилась отъ той, «сонной болѣзни», которой она заразилась послѣ великихъ потрясеній минувшихъ годовъ, что до сихъ поръ среди столичной интеллигенціи лишь два-три человѣка принуждены сгибаться подъ непосильной тяжестью аграрныхъ вопросовъ; что судьбы стомилліоннаго крестьянства Россіи, никогда не работавшаго съ такой энергіей надъ созданіемъ новыхъ формъ жизни, до сихъ поръ этой интеллигенціи скучны и непонятны. А если бы она поняла—она не могла бояться, какъ боится Ник. Ник. Гиммеръ, что культурно-экономическая работа оторветъ ее отъ соціалистической идеологіи, ибо я убѣжденъ, что эта идеологія и эти работы *могутъ быть тѣсно спаяны другъ съ другомъ*.....

Но мое убѣжденіе, конечно, не есть еще доказательство. До сихъ поръ я старался доказать только, что обезпечивающая насущные интересы крестьянскаго класса и особенно-низшихъ малоземельныхъ слоевъ его, текущая аграрная политика, можетъ и должна быть построена на принципахъ *демократизма*. Самъ Ник. Ник.

Сухановъ, въ статьѣ, напечатанной годъ тому назадъ (по вопросамъ нашихъ разногласій) признавалъ, что «область раціональной экономической политики», для соціалистической партіи совершенно необходима: иначе, конечно, у партіи не будетъ никакой почвы подъ ногами. Поэтому, выставленное имъ въ послѣдней статьѣ положеніе о полномъ нейтралитетѣ аграрной политики, о тождествѣ ея со всякой культурной работой не только не соотвѣтствуетъ дѣйствительности—что я и пытался обосновать въ предыдущемъ изложеніи, но и взглядамъ самаго автора, высказаннымъ имъ годъ тому назадъ. Но нейтральность аграрной политики, можетъ быть мыслима въ иномъ положеніи: не въ сферѣ *современныхъ* соціально-политическихъ отношеній, а въ области соціалистическихъ принциповъ. Въ упомянутой сейчасъ статьѣ Ник. Ник. говорилъ, что участвуя въ текущей экономической политикѣ, соціалистическая партія выступаетъ не какъ таковая, и не является здѣсь монопольной: раціональную экономическую политику можетъ защищать и буржуазно-демократическая партія, зачастую даже просто прогрессивно-либеральныя направленія. Я согласенъ съ этимъ взглядомъ, но лишь по столько, по сколько въ программѣ аграрной политики дѣло идетъ объ элементахъ ея демократизаціи, т. е. поскольку эта политика ведетъ къ развитію экономической, культурной и политической жизни крестьянскаго класса, подобно тому, какъ рабочая политика ведетъ къ подъему силы и значенія рабочаго класса, оставаясь нейтральной по отношенію къ принципамъ соціализма.

Но я указывалъ, что аграрная политика гораздо сложнѣе, шире и разностороннѣе рабочей; въ ней мы имѣемъ дѣло не только съ организаціей *лицъ*, но и *хозяйства землевладѣнія*. И раціональная аграрная политика не только допускаетъ—она прямо *требуетъ*

«обобществленія, точнѣе — *объединенія* различныхъ сторонъ и процессовъ, происходящихъ въ раздробленныхъ мелкихъ индивидуальныхъ хозяйствахъ. До сихъ поръ въ Россіи шла кооперативація лишь нѣкоторыхъ хозяйственныхъ процессовъ: теперь, какъ я указывалъ въ предыдущемъ изложеніи и въ другихъ статьяхъ, всплываетъ наверхъ задача объединенія нѣкоторыхъ сторонъ мелкаго *землевладѣнія* и землепользованія, на совершенно иныхъ началахъ и, нѣкоторыхъ случаяхъ, въ болѣе совершенныхъ формахъ, чѣмъ таковое наблюдалось въ разрушающихся общинахъ. Меліораціонное дѣло, кооперація ипотечнаго кредита, коллективныя аренды, рационально поставленное общественное землеустройство, поземельныя общества и т. д.—всѣ эти элементы аграрной политики, неотрывно связанныя съ сельско-хозяйственнымъ процессомъ, будутъ все болѣе и болѣе ограничивать крестьянина, какъ индивидуальнаго собственника хозяина. «Сельско-хозяйственная организація, каждая со своей стороны лишаютъ крестьянина частью самостоятельности, подчиняя его дѣятельность общественному контролю и руководству, которые должны становиться все разностороннѣе и глубже.» (Д-ръ *И. Штокманъ*. Политико-экономическіе этюды. 1914. Стр. 113). Этотъ историческій моментъ постепеннаго вытѣсненія, ограниченія частной собственности коллективныхъ и личныхъ интересовъ общественными предвидѣлъ еще Фурье (эпоха гарантизма) и переходный моментъ сельско-хозяйственныхъ отношеній, несомнѣнно, наступаетъ не только для Западной Европы, но и для Россіи. Всѣ, осуществимые теперь способы обобществленія мелкихъ индивидуальныхъ хозяйствъ, какъ я говорилъ, не есть соціализмъ. Но, вотъ вопросъ, который по моему мнѣнію, заслуживаетъ самаго тщательнаго изученія—не являются ли они, тѣми *этапами* на пути къ соціализму, которые только

и возможны въ современномъ буржуазномъ строѣ? Если эволюція капиталистическаго хозяйства въ индустріи придаетъ все болѣе общественный характеръ производству, то развитіе элементовъ «соединенія труда» и земли въ крестьянскомъ хозяйствѣ также ведетъ къ перестройкѣ его на общественныхъ началахъ, причемъ не слѣдуетъ забывать, что объединеніе крестьянскихъ хозяйствъ не ограничивается отдѣльными мѣстностями и разрозненными группами: мѣстныя организаціи неуклонно сливаются въ областные и національные союзы. И этотъ процессъ объединенія, находя себѣ благопріятную питательную среду въ условіяхъ сельско-хозяйственнаго прогресса, въ то же время зависитъ во многомъ отъ сознательнаго участія и энергіи демократически и соціалистически настроенной интеллигенціи. Въ одной изъ своихъ послѣднихъ книжекъ г. Туганъ-Барановскій говоритъ: «стихійное развитіе капиталистическаго хозяйства подготовляетъ почву для соціализма. Но одного этого стихійнаго развитія мало: оно должно быть дополнено началомъ *сознательнаго творчества*. Созданіе новыхъ формъ хозяйства, которыя бы могли послужить опорными пунктами для перестройки существующей хозяйственной системы на новыхъ началахъ, имѣетъ чрезвычайно важное значеніе». Какъ, надѣюсь понятно читателямъ, въ аграрной сферѣ, гдѣ капитализмъ не развивается, а дегенерируетъ, гдѣ онъ скорѣе не организуетъ, а дезорганизуетъ, тормозитъ поступательное движеніе аграрной эволюціи «сознательное творчество» новыхъ формъ трудового хозяйства, имѣетъ не только важное, а и *исключительное* значеніе: кромѣ этого творчества другихъ организирующихъ силъ въ сельскомъ хозяйствѣ не имѣется.

Русская жизнь сейчасъ, можно сказать, ежечасно открываетъ все новыя возможности для созданія, въ той или иной мѣрѣ, объединенныхъ формъ крестьянскаго

хозяйства и землевладѣнія. Осуществленіе этихъ возможностей потребуетъ большого и упорнаго труда, который можетъ быть, какъ мнѣ кажется, одухотворенъ соціалистической идеологіей. И вопросъ о томъ, умѣстно ли соціалистамъ заниматься творческой работой въ этомъ направленіи, зависитъ прежде всего отъ того, какъ мы будемъ смотрѣть на соціализмъ: какъ на результатъ долгаго процесса хозяйственной эволюціи, или какъ на стройный народно-хозяйственный организмъ, который, послѣ внезапнаго переворота, сразу появляется на свѣтъ, какъ, Аѳина, выскочившая изъ головы Зевса. Научный соціализмъ, повидимому, готовъ отказаться отъ второго взгляда. Но я лично, полагаю, что, собственно, въ сферѣ сельско-хозяйственныхъ отношеній и медленная экономическая эволюція, и политическіе перевороты и реформы отчасти идуція вслѣдъ за измѣненіемъ хозяйственныхъ отношеній, отчасти способныя ихъ предуредить и обогнать, имѣли одинаковыя права гражданства. Въ частности, какъ я указывалъ не разъ, переворотъ въ формахъ землевладѣнія зависитъ, главнымъ образомъ, отъ политическихъ факторовъ. Такъ какъ политическіе факторы сейчасъ не на сторонѣ демократическихъ элементовъ общества, то никакой активной роли въ той части аграрной политики, которая касается формъ землевладѣнія, этимъ элементамъ пока играть не суждено. Но, повторяю еще разъ, творческая роль ихъ въ созданіи новыхъ формъ реорганизующагося крестьянскаго *хозяйства* можетъ быть очень значительной. Во всякомъ случаѣ, надо взвѣсить одно обстоятельство: кромѣ изложенныхъ выше путей, другихъ для проведенія въ жизнь началъ обобществленія въ крестьянскомъ хозяйствѣ теперь нѣтъ. И тѣ, кто признаетъ «нейтральность», или даже вредность такой творческой работы, тѣмъ самымъ

должны признать, что соціализмъ въ аграрной сферѣ сейчасъ совершенно *нежизнеспособенъ*.

Какъ видитъ читатель, проблему отношенія между соціализмомъ и современной аграрной политикой я только *ставлю*, но не чувствую пока себя компетентнымъ ее рѣшать. Но я думаю, что эта проблема, весьма трудная и отвѣтственная, и должна послужить теперь предметомъ обсужденія, и, въ конечномъ счетѣ, *самоопредѣленія*, для представителей соціалистическихъ направленій, а не «изжитыя», отброшенныя жизнью старыя понятія и старая терминологія, и—также не утопическія измышленія отъ отношеніяхъ между крестьянами и рабочими черезъ сто лѣтъ. Наше самоопредѣленіе должно выковаться на огнѣ той «живой жизни», которой живетъ народная масса. Оторванныя отъ жизни теоретическія разногласія казались намъ имѣющими всеобъемлющее значеніе лишь до тѣхъ поръ, пока продуктивная практическая дѣятельность для насъ была почти невозможностью.

Теперь передъ нами открывается, можно сказать, анфилада различныхъ возможностей: и вотъ одни, увлекаясь этой анфиладой, быть можетъ, погрузятся въ будничную дѣловую работу, пойдутъ направо; другіе, недооцѣнивъ эти возможности, презрительно завернутся въ свою тогу, отойдутъ налѣво и будутъ ждать «дня, дондеже онъ пріидетъ». Снова между правымъ и лѣвымъ крыломъ возгорится борьба, въ которой каждое крыло выкуетъ свою идеологію, свои принципы. Такъ я представляю себѣ послѣдствія, грядущаго «самоопредѣленія», ибо такъ говоритъ исторія.

П. Огановскій.

Элементы современной аграрной программы.

а) Варіантъ 1916 г.

Только 10 съ небольшимъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ политическихъ программахъ 22-хъ изъ 24 существовавшихъ тогда у насъ партій на первомъ мѣстѣ стоялъ аграрный вопросъ. За это десятилѣтіе въ нашихъ сельско хозяйственныхъ отношеніяхъ обнаружился колоссальный сдвигъ (назрѣвавшій и раньше, конечно), почти незамѣченный большой публикой, которая, подчиняясь велѣніямъ исторіи и капризамъ моды, забыла про деревню прочно и основательно послѣ крушенія надеждъ 1905 г.

Десять лѣтъ назадъ безчисленные параграфы всѣхъ аграрныхъ программъ могли бы быть сведены безъ всякихъ затрудненій къ одному пункту, къ одному требованію — *земли* для изголодавшагося крестьянства. Одни партіи требовали и обѣщали, получивъ власть, дать крестьянамъ меньше земли и за деньги, другія — всю землю даромъ, но для всѣхъ партій земля являлась центральной и почти единственной проблемой въ аграрномъ вопросѣ.

И до сихъ поръ, когда говорятъ объ аграрномъ вопросѣ, то понимаютъ его, по старой привычкѣ, въ узкомъ смыслѣ—въ смыслѣ чисто земельнаго вопроса. Но убыстренный ходъ аграрной эволюціи у насъ, въ связи съ правительственными реформами, чрезвычайно усложнилъ задачу построенія аграрной программы, отвѣчающей требованіямъ даннаго историческаго момента и, на ряду съ проблемой *земли*, выдвинулъ еще передъ войной на первый планъ другія проблемы, которыя можно опредѣлить двумя словами: *культура и рынокъ*.

Въ концѣ 1913 года я попытался охарактеризовать основные элементы программы «текущей аграрной политики», *) т. е. такой программы, которая, не давая радикальнаго рѣшенія аграрнаго вопроса, приводила бы къ раціональной постановкѣ и проведенію въ жизнь отдѣльныхъ аграрныхъ проблемъ при существующихъ соціально-политическихъ условіяхъ. Въ этой программѣ были перечислены такіе элементы аграрнаго вопроса: 1) въ земельной проблемѣ — мобилизація земли внѣнадѣльной и надѣльной, аренда и переселеніе: 2) въ культурной — агрикультура, въ собственномъ смыслѣ, землеустройство и мелioрація; 3) въ рыночной — внѣшняя и внутренняя торговая политика и пути сообщенія, 4) четвертой является проблема *кооперативнаго строительства*, которая должна внести организующее начало въ большую часть перечисленныхъ элементовъ аграрной программы текущей политики. До передъ войной кооперація охватила въ болѣе или менѣе широкомъ масштабѣ лишь деревенскій кредитъ, потребленіе и отчасти сбытъ, т. е. элементы *рыночныхъ* отношеній деревни; земельная же и культурная проблемы находились почти цѣликомъ внѣ сферы ея вліянія. 5) Наконецъ, пятая — финансы, мелкій кредитъ (личный и хозяйственный), ипотечный и мелioративный.

Война и ея неизбѣжныя послѣдствія вносятъ въ аграрную программу ближайшей послѣвоенной эпохи существенно новыя черты: съ одной стороны, война сокращаетъ на нѣсколько милліоновъ наличный контингентъ работниковъ, уменьшаетъ прочія средства производства, а въ мѣстностяхъ, захваченныхъ военными дѣйствіями, уничтожаетъ почти весь, вѣками накопленный, сельскохозяйственный капиталъ. Съ другой стороны, она погла-

*) Въ журналѣ „Завѣты", декабрь 1913 г., статья „Съ небесъ на землю".

щаетъ многолѣтнія народныя сбереженія и взваливаетъ на плечи земледѣльческаго населенія бремя удвоеннаго государственнаго бюджета. Иными словами невзбѣжныя послѣдствія войны ставятъ передъ нами задачу *быстраго и сильнаго поочема производительности сельскаго хозяйства* при помощи уменьшившихся количествомъ, ухудшившихся качественно средствъ сельскохозяйственнаго производства. Задача эта можетъ быть разрѣшена лишь однимъ путемъ — путемъ *организаціи* всѣхъ элементовъ производства. Отсюда возникаетъ требованіе связать въ одно стройное цѣлое раздѣльныя части аграрной программы, поставивъ во главу угла этой программы единую цѣль — *ускоренное развитіе производительныхъ силъ*. Проблемы земли, культуры и рынка, которыя въ прежнихъ программныхъ построеніяхъ ставились и разрѣшались, въ значительной степени, независимо одна отъ другой, должна быть теперь тѣсно связаны между собой и соподчинены одной указанной цѣли.

Подъемъ сельскохозяйственныхъ производительныхъ силъ, наблюдавшійся за послѣдніе годы, пріобрѣтаетъ въ различныхъ областяхъ нашей великой Россіи многообразныя формы, которыя, благодаря развившейся денежности крестьянскаго хозяйства, все чаще и чаще начинаютъ опредѣляться по главнымъ рыночнымъ продуктамъ въ каждой области: на сѣверо-западѣ — въ пріозерной области и части промышленнаго центра, — по льну, въ остальномъ центрѣ и на сѣверо-востокѣ — по молочному скотоводству, на юго-западѣ — по корнеплодамъ и свиноводству, на юго-востокѣ и въ части земледѣльческаго центра — по зерну и мясному скоту. Къ развитію продукціи соотвѣтственныхъ культуръ и видовъ скота пріурочиваются вырабатываемые агрономами организаціонные планы крестьянскихъ хозяйствъ, приспособляются сѣвообороты, мѣняются угодья, словомъ, перестраиваются

системы хозяйства. По этой же линіи идетъ кооперативизація крестьянскихъ хозяйствъ, пріобрѣтающая въ каждой области свои особенныя формы. Въ то же время, благодаря различіямъ почвы и климата и особенностямъ соціально-бытового уклада крестьянъ, и остальные элементы культурной проблемы — землеустройство и мелліораціи — должны въ каждой области сильно варьировать.

Война значительно расширяетъ рамки земельной *проблемы*, сохранявшей и до нея коренное значеніе для большинства областей. Паліативами текущей земельной политики — переселеніемъ, мобилизаціей, арендой — врядъ ли теперь можно будетъ ограничиться. Необходимость быстраго подъема производительныхъ силъ заставляетъ снова обратить усиленное вниманіе на положеніе обширнаго класса малоземельныхъ крестьянъ, въ которомъ милліоны рабочихъ рукъ, не находящихъ себѣ примѣненія на своихъ ничтожныхъ надѣлахъ, не используются достаточно продуктивно, ни въ своихъ собственныхъ интересахъ, ни въ интересахъ народнаго хозяйства Россіи. Допускать и дальше такую безполезную растрату огромныхъ запасовъ народнаго труда не позволяютъ, прежде всего, возросшія потребности государства; такъ или иначе, но проблема крестьянскаго малоземелья потребуетъ въ ближайшемъ будущемъ радикальнаго разрѣшенія. Къ этому же ведутъ и вызванныя войной новыя явленія: ликвидація нѣмецкихъ земель, пертрубація въ арендныхъ отношеніяхъ, вопросъ о надѣленіи землей воиновъ и, наконецъ, тѣ измѣненія, которыя уже внесли воюющія державы въ строй землевладѣнія захваченныхъ войной мѣстностей, и тѣ, которыя они еще внесутъ, когда послѣ войны будутъ перечерчиваться государственныя границы.

Но и въ той широкой постановкѣ, которую придаетъ война земельной проблемѣ, правильное ея разрѣшеніе требуетъ для каждой области иной формулировки, иныхъ

плановъ, ибо каждая область отличается отъ другой различной землеобезпеченностью крестьянъ, запасами казеннаго земельнаго фонда, площадями частновладѣльческихъ земель и, самое главное — своими особенными системами хозяйства, въ зависимости отъ которыхъ мѣняются величины нормальнаго участка, потребнаго для раціональнаго хозяйствованія средней трудовой семьи.

Отсюда вытекаетъ выводъ огромной важности: для разрѣшенія аграрнаго вопроса въ Россіи необходима не одна, общая для всѣхъ областей, аграрная программа, а рядъ областныхъ аграрныхъ программъ, въ которыхъ отдѣльные элементы земельной культурной, рыночной, кооперативной и финансовой проблемъ будутъ мѣнять свои размѣры и формы, въ зависимости отъ всѣхъ перечисленныхъ условій. Однако отдѣльныя областныя программы, соотвѣтственно ихъ общей цѣли, должны быть проникнуты двумя основными идеями: *расширенія землепользованія малоземельныхъ слоевъ крестьянъ* и идеей *общественной организаціи* крестьянскаго хозяйства; ибо только планомѣрное осуществленіе обѣихъ идей способно создать то быстрое грандіозное развитіе производительныхъ силъ въ сельскомъ хозяйствѣ, которое является для Россіи необходимымъ послѣдствіемъ великой войны.

Въ такихъ очертаніяхъ рисуется аграрная программа ближайшаго будущаго тѣмъ, кто работаетъ сейчасъ надъ ея созиданіемъ.

Н. Огановскій.

б) Варіантъ 1917 г.

За десять лѣтъ, протекшихъ съ момента революціи 1905 г., объемъ аграрной программы чрезвычайно расширился. Тогда въ фокусѣ вниманія общества и народа стояла лишь одна проблема—земельная. Уже передъ войной, наряду съ проблемой *земли* отчетливо вырисовывались контуры трехъ другихъ проблемъ: *культуры* (агрикультура, землеустройство и мелioрацій), *рынка* (внѣшняго и внутренняго) и *кредита* (мелкаго, ипотечнаго и мелioративнаго). Надъ этими четырьмя проблемами сталъ воздвигаться общій куполъ организаціи сельско-хозяйственнаго производства, который до войны строился преимущественно черезъ кооперативныя и земскія ячейки. Такимъ образомъ, уже тогда были на лицо почти всѣ элементы стройнаго плана единой сельскохозяйственной политики.

Война, съ одной стороны, чрезвычайно расширила, съ другой—окончательно свела воедино всѣ указанныя проблемы. Она поставила передъ нами одну задачу: *удвоенія* сельско-хозяйственныхъ производительныхъ силъ въ весьма короткій срокъ,—въ какихъ нибудь 5—6 лѣтъ вмѣсто 30—40 лѣтъ, которыя потребовали бы для этого при нормальныхъ условіяхъ эволюціи. Доказательства неизбѣжности такого форсированнаго подъема общеизвѣстны: это 1) ростъ налоговаго бремени, обусловленнаго возростаніемъ послѣвоеннаго бюджета по крайней мѣрѣ до 6—7 милліардовъ, 2) многомилліардныя затраты на созданіе и возстановленіе основного народнохозяйственнаго капитала, въ видѣ обновленнаго хозяйства мѣстностей, разрушенныхъ войной, желѣзно-дорожной

сѣти, таваней, заводовъ и фабрикъ, затратъ на коренныя землеустроительныя и меліоративныя операціи и 3) поддержка нашего торговаго баланса путемъ усиленія экспорта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ.

Передъ современной реальной программой стоитъ задача найти осуществимые способы удвоенія производительныхъ силъ. Способовъ этихъ два, тѣсно переплетающихся между собой: подъемъ производительности земли и производительности труда. Необходимость подъема производительности труда обусловливается еще 1) многомилліонной убылью рабочихъ рукъ, благодаря войнѣ (убитые, инвалиды, потерявшіе цѣликомъ или частью трудоспособность) и 2) оттокомъ крестьянъ въ города и индустрію, увеличившимся во время войны и вѣроятно продолжающимъ возрастать и послѣ нея. Основное средство для усиленія продуктивности труда въ сельскомъ хозяйствѣ и продукціи земли—извѣстно: это концентрація производства. Но въ сельскомъ хозяйствѣ, благодаря его особенностямъ, при стихійной эволюціи мелко-трудовое индивидуальное хозяйство беретъ верхъ надъ крупно-капиталистическимъ. Происходитъ обратный процессъ распыленія земли и труда. Со стихіей бороться нельзя, повернуть вспять исторію невозможно, а поэтому остается лишь одинъ способъ концентраціи черезъ постепенное *обобществленіе* сельско-хозяйственныхъ процессовъ.

Обобществленіе это началось еще до войны и получило сильный толчекъ во время войны. Оно протекало и протекаетъ въ трехъ формахъ: перехода продуктовъ и средствъ производства въ руки государства, органовъ мѣстнаго самоуправленія и свободно объединяющихся группъ производящаго населенія (кооперативы).

Въ настоящее время осуществляются или, вѣроятно, осуществятся въ ближайшемъ будущемъ слѣдующія конкретныя формы обобществленія:

1) Государственная монополія на главнѣйшіе сельско-хозяйственные продукты. Фактическое осуществленіе такой монополіи въ 1917 г. необходимо въ виду нарушенія баланса производства и потребленія (недосѣвовъ, усиленнаго питанія на фронтахъ и въ тылу), а также вывоза за-границу, если война кончится къ осени или въ началѣ зимы.

2) Государственная и земская кооперативная монополія на торговлю усовершенствованными сельск.-хоз. орудіями.

3) Таковая же монополія на землеудобрительные туки.

4) Въ рукахъ государства уже сосредоточены огромныя земельныя богатства.

5) Раціональныя меліораціи и землеустройство, построенное на основѣ дорожной и гидротехнической сѣти, поведутъ неизбѣжно къ ломкѣ границъ и къ ограниченію правъ частной собственности на землю.

Во всѣхъ этихъ формахъ обобществленія главное участіе принимаютъ и будутъ принимать государство и земство. Кооперативы участвуютъ въ оборотѣ с.-х. продуктовъ и машинной торговлѣ, но до сихъ поръ почти не касались ни земли, ни процессовъ с.-х. производства. Это—естественно, ибо развитіе кооперации идетъ постепенно отъ кредита и обмѣна, т.-е. точекъ соприкосновенія крестьянскаго хозяйства съ внѣшнимъ міромъ—*внутрь* самаго с.-х. производства. Въ нормальныхъ условіяхъ этотъ процессъ совершающійся у насъ параллельно съ интенсификаціей, также завершился бы черезъ нѣсколько десятилѣтій. Но вышеуказанныя условія заставляютъ насъ напрячь всѣ усилія для его ускоренія.

Охватъ кооперацией процессовъ с.-х. производства, кромѣ общей необходимости агрикультурнаго подъема (интенсификаціи) вынуждается еще двумя факторами: 1)

крайне неравномѣрнымъ распредѣленіемъ рабочихъ рукъ у крестьянъ разныхъ экономическихъ слоевъ: малоземельные страдаютъ отъ избытка рабочихъ рукъ, многоземельные отъ ихъ недостатка; 2) необходимой машинизаціей производства, особенно развитіемъ мотокультуры, требующей для раціональнаго примѣненія большихъ площадей земли.

Общій выводъ: оставляя за производящимъ населеніемъ полную свободу выбора индивидуальной или коллективной формы хозяйства, государство, признавая за коллективной формой высшую производительность, должно стараться усилить обобществленіе производства а) путемъ дальнѣйшей націонализаціи и муниципализаціи земли и прочихъ средствъ производства и продуктовъ, б) посредствомъ разнаго рода льготъ и агрономо-технической помощи трудовымъ хозяйствамъ, переходящимъ на кооперацію въ производствѣ на разныхъ ея стадіяхъ и въ разныхъ видахъ (артели, сосѣдскія и родственныя объединенія—супряги, задруги, складки, мірская самопомощь, машинныя товарищества, меліоративныя по аренѣ и совмѣстной обработкѣ земли и т. п.).

Не будучи спеціалистомъ въ агрономіи и въ экономіи торговли, я не буду останавливаться на томъ, какъ реально можетъ быть продвинутъ принципъ обобществленія при разрѣшеніи проблемъ культуры и рынка. По этой же причинѣ коснусь только слегка финансовой проблемы. Но болѣе детально разовью планъ соотвѣтствующаго заданію разрѣшенія земельной проблемы и отчасти землеустройства.

Земельная программа.

Мнѣ незачѣмъ доказывать, что въ настоящихъ условіяхъ мы стоимъ передъ необходимостью урегулировать

наго закономъ расширенія землепользованія безъ—и малоземельныхъ крестьянскихъ хозяйствъ. Задача первой Думы снова всплываетъ передъ нами, подкрѣпленная сверхъ прежнихъ доводовъ (безплодной растраты труда, пауперизаціи, неправильностей земельной реформы 1861 г.) еще двумя новыми: 1) укрѣпленіемъ въ крестьянскомъ сознаніи мысли о справедливости вознагражденія воиновъ землей, 2) народной революціей, при которой приходится опасаться, какъ бы крестьяне не стали самочинно донадѣлять себя изъ фонда сосѣдскихъ экономій. Для того, чтобы довести участки обездоленныхъ землей хозяйствъ только до нормы такъ называемаго (терминъ проф. А. Кауфмана) относительнаго малоземелья требуется по всей вѣроятности передать въ обладаніе крестьянъ не только казенныя, удѣльныя, кабинетскія, городскія, монастырскія, церковныя, но и всѣ крупныя частновладѣльческія свыше трудовой нормы.

1) Поэтому первымъ пунктомъ земельной программы является принудительное отчужденіе всѣхъ земель свыше трудовой нормы путемъ ихъ выкупа *), производимаго государствомъ.

2) Но въ видахъ проведенія принципа обобществленія, всѣ отчужденныя земли переходятъ не въ собственность крестьянъ, а въ *государственный* или *всенародный* земельный фондъ.

3) Фондъ этотъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ: а) наиболѣе культурныя имѣнія, могущія превратиться въ образцовыя фермы, питомники, племенные разсадники, опытные участки, с.-х. школы и т. п.—

*) Доводъ въ пользу выкупа старый, усиленный истекшимъ послѣ 1915 г. 12-лѣтіемъ: огромная задолженность помѣщичьихъ земель и имѣній. Но платежи по выкупу вовсѣ не обязательно переносятся на крестьянъ, получающихъ землю изъ государственнаго да.

передаются въ распоряженіе обновленныхъ земствъ и кооперативовъ, включая въ нихъ и с.-х. общества.

4) Лѣсныя площади, требующія охраненія и правильнаго хозяйствованія либо остаются въ казнѣ, либо также передаются въ земства и кооперативы, либо остаются временно въ распоряженіи прежнихъ собственниковъ.

5) Остальная культуро-способная территорія распредѣляется между без- и малоземельными крестьянами или въ кооперативную, или въ индивидуальную долгосрочную (на нѣсколько десятковъ лѣтъ) аренду, при чемъ государства и земства поощряютъ кооперативную форму землепользованія посредствомъ: а) выдачи денежныхъ ссудъ на с.-х. улучшенія, б) уменьшенія арендной платы, в) предоставленія кооператорамъ агрономическаго персонала, г) выдачи въ ссуду на льготныхъ условіяхъ орудій, улучшенныхъ сѣмянъ, землеудобрительныхъ туковъ и т. п.

6) Надѣленіе производится или по количеству душъ въ семьѣ, или по числу работниковъ.

7) Правомъ единоличной аренды пользуются лишь тѣ семьи, которыя имѣютъ, по крайней мѣрѣ, одного полнаго работника или работницу. Обезрабоченныя, упалыя, слабыя хозяйства, для полученія причитающихся имъ участковъ, должны обязательно объединиться въ арендныя товарищества.

Такъ я предполагалъ бы правильнымъ поступить съ отчужденными землями. Что же касается до *крестьянскихъ* земель въ предѣлахъ трудовой нормы, то я думалъ бы, что самое цѣлесообразное — предоставить крестьянамъ самимъ рѣшать, какая форма землевладѣнія имъ представляется наиболѣе удобной. Здѣсь пока не только возможно, но и необходимо проведеніе *двухъ мѣръ*: 1) Уравненія обложенія надѣловъ и купчихъ

земель, а также и участковъ изъ государственнаго земельнаго фонда на основѣ ускореннаго поземельнаго кадастра (тамъ, гдѣ не было почвенно-земельно оцѣночныхъ изслѣдованій), 2) Ограниченія рядомъ мѣропріятій свободной мобилизаціи и земства. Объ мѣры, регулируя финансовую сторону аграрнаго вопроса, въ тоже время облегчаютъ послѣдующее постепенное обобществленіе и крестьянскаго земельнаго фонда. Добровольному обобществленію, кромѣ вышеуказанной системы льготъ для поощренія образующихся земельныхъ и производительныхъ кооперативовъ, будетъ способствовать реставрація общинныхъ традицій, вѣроятная, по крайней мѣрѣ, у части крестьянъ при отмѣнѣ тѣхъ изъ столыпинскихъ законовъ, которые принудительно уничтожали общину.

Землеустройство и разселеніе.

Черезполосица и дальноземелье—страшнѣйшіе враги подъема производительныхъ силъ. Поэтому одновременно съ земельной реформой, должна быть проведена и землеустроительная, также косвенно облегчающая процессъ обобществленія. Черезполосица крестьянскихъ земель у насъ двоякая: 1) возникающая благодаря различію формъ землепользованія крестьянъ—на надѣлахъ, купчихъ и арендныхъ земляхъ, каковая у насъ уничтожается земельной реформой и 2) внутри-надѣльная, устраняемая лишь спеціальнымъ землеустройствомъ.

Не менѣе, если не болѣе вредно дальноземелье, зависящее главнымъ образомъ отъ недостатка питьевой воды въ черноземной полосѣ. Колонизуя югъ, народъ разселялся вдоль большихъ рѣкъ, и надѣлы протянулись длинными «холстами», перпендикулярно къ нимъ по возвышеннымъ и сухимъ водораздѣламъ.

Отсюда двѣ главныхъ задачи правильнаго землеустройства: а) разселеніе большихъ силъ на небольшіе поселки (а не хутора) въ нѣсколько десятковъ дворовъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы дальній конецъ поля отстоялъ отъ усадьбы не далѣе $1—1^1/_2$ верстъ, 2) комассація-сверстка узкихъ полосъ въ широкія (отруба). Переселеніе малоземельныхъ крестьянъ изъ густо населенныхъ мѣстностей на земли государственнаго фонда другихъ раіоновъ также связано съ нѣкоторыми землеустроительными и меліоративными операціями.

Вообще землеустройство должно строиться на основѣ намѣчаемой къ выполненію дорожной и гидротехнической сѣти. Фактически же для разселенія въ сухихъ мѣстахъ неотложна, до лучшихъ временъ, преимущественно одна простая меліоративная операція—обводненіе.

Время не ждетъ, аграрный вопросъ всплываетъ на верхъ современной общественной жизни, къ нему приступаетъ вплотную слагающіяся политическія партіи, надъ ними задумываются народныя массы.

Во имя того основнаго лозунга, который выставленъ мной съ самого начала—лозунга *подъема* производительныхъ силъ, выработка аграрной программы должна происходить не только путемъ свободной борьбы политическихъ силъ, но и при непосредственномъ участіи лучшихъ научныхъ силъ Россіи.

СОДЕРЖАНІЕ:

Стр.

Предисловіе. 3

Съ небесъ на землю. 5

Николай Сухановъ. Кесарево-Кесарю 44

Проблемы аграрной теоріи и политики 58

Элементы современной аграрной программы на варіанты:

а) 1916 г. 105

б) 1917 г. 110

Т-во „ЗАДРУГА".

Москва, Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., 9.

—&—

Масловъ, П. Экономическіе причины мировой войны (Печ.)

Мельгуновъ, С. П. Наши монастыри. (Къ вопросу о секуляризаціи монастырскихъ земель). Ц. 30 к.

Мельгуновъ, С. П. Какъ создавалась въ Россіи государственная церковь. (Печат.).

Мельгуновъ, С. П. Реформа отдѣленія церкви и государства въ Россіи. (Печат.).

Мельгуновъ, С. П. Послѣдній самодержецъ. Ц. 30 к.

Мякотинъ, В. А. Революція и ея ближайшія задачи. Ц. 20 к.

Огановскій, Н. П. Съ небесъ на землю.

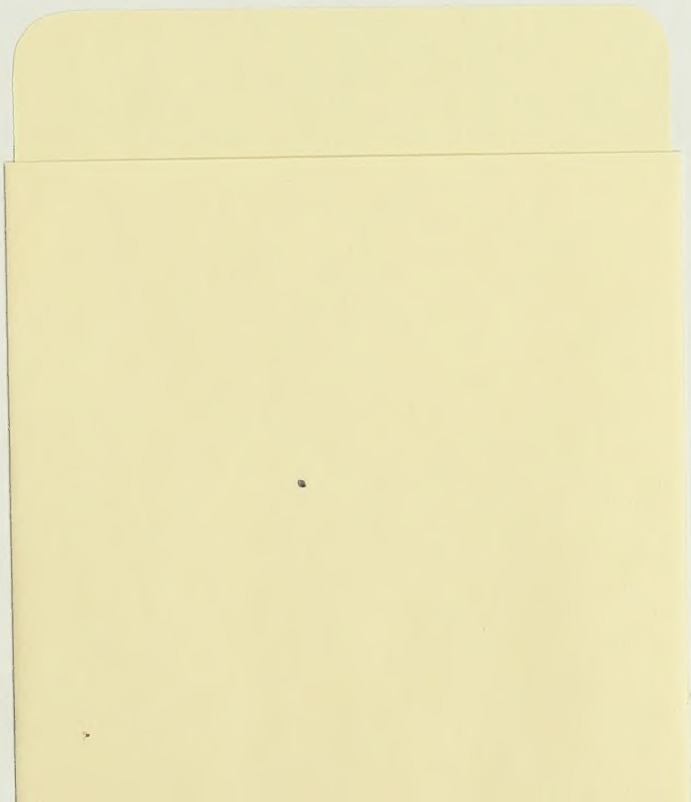
Огановскій, Н. П. Индивидуализація землевладѣнія въ Россіи и ея послѣдствія.

Огановскій, Н. П. Аграрный вопросъ и кооперація.

Полянскій, Н. П. Революція—торжество права. Ц. 25 к.

Пѣшехоновъ, А. В. Программные вопросы. Вып. I. Основныя положенія. (Печат.).

Розенбергъ, В. А. Крестьянскій вопросъ въ наши дни. (Наканунѣ революціи и на другой день послѣ нея). Ц. 50 к.



DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
S nebes na zemliu; k peresmotru
338.10947 034S
D901323350